

КАК ТЫ
НАЙДЕШЬ
УБИЙЦУ,
ЕСЛИ
НЕ РАЗЛИЧАЕШЬ
ЛИЦ?

**ВСПОМНИ
МЕНЯ**

ЭМИ МАКЛЕЛЛАН

Триллер-клуб «Ночь»

Эми Маклеллан

Вспомни меня

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Маклеллан Э.

Вспомни меня / Э. Маклеллан — «Эксмо», 2019 — (Триллер-клуб «Ночь»)

ISBN 978-5-04-113078-7

Полиция находит жестоко убитую Джоанну Бейли, а рядом с ней – ее сестру Сару. Та не может предоставить убедительное алиби; она психически нестабильна и страдает прозопагнозией – неспособностью различать человеческие лица. Все улики указывают на Сару, но она утверждает, что сестру убил неизвестный мужчина, вломившийся к ним в дом. Сара уверена, что кому-то было выгодно подставить ее и обвинить в смерти Джоанны. Но поверит ли полиция словам женщины, не различающей лица, страдающей приступами агрессии, зависимой от психотропных веществ и имеющей темное прошлое? Поэтому Сара должна найти преступника сама...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113078-7

© Маклеллан Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эми Маклеллан

Вспомни меня

Amy McLellan
Remember Me

© 2019 Amy McLellan

© Rawpixel.com, Anna Demianenko, elenavolf / Shutterstock.com

© Пузанов А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

Все выглядят одинаково – вот в чем проблема сериалов, действие которых происходит в неопределенные стародавние времена. Бороды, всклокоченные волосы, грязноватые наряды, и в результате одного пламенного заговорщика не отличить от другого. Даже аристократам, выделяющимся меховой оторочкой одежд и большим количеством реплик, не мешало бы хорошенько помыться.

Я делюсь своим наблюдением с Джоанной. Та отвечает драматическим вздохом. Она терпеть не может, когда я влезаю с каким-нибудь замечанием, но у меня просто не хватает выдержки, особенно если вижу дыру в сюжете. После знакомства с первоисточником экранизации это сразу воспринимаешь как личное оскорбление. Странно, что Джоанна, член книжного клуба и заядлая любительница чтения, как написано в ее профиле на сайте знакомств, не разделяет моего отношения.

Я подливаю себе еще вина и ловлю ее брошенный искоса взгляд. Мне вообще-то нельзя, однако порой я чувствую, что это необходимо – хочется ощутить себя человеком. И потом, почему ей можно пить, а мне нет? Иногда она бывает такой бесчувственной...

Появившийся в кадре очередной чумазый боец шепчет что-то на ухо благородной даме.

– Кто это?

– Ты ведь вроде бы читаешь?

Я поднимаю бровь, но все же возвращаюсь к своей книге. Заново перечитываю абзац, однако ерундовый любовный роман слишком скучен, и я опять смотрю на экран. Может, хоть драконы появятся?.. Нет, сплошные вояки, шепчущиеся в темных комнатах.

– А это кто? – снова не выдерживаю я.

– Господи, Сара, ты серьезно?

Ну я же не виновата, что не могу уследить за сюжетом! Я честно пытаюсь, а Джоанна так раздражается, словно я влезаю в разговор настоящих живых людей. Она предпочла бы, чтобы я поднялась к себе и оставила ее спокойно смотреть телевизор, но разве это справедливо по отношению ко мне? Интересно, в кого из героев она влюблена? В вояку или в пламенного заговорщика? А может быть, в женщину? От Джоанны всего можно ожидать. В чем-то моя сестра как закрытая книга.

Я протягиваю руку за бутылкой с остатками риохи, когда за окном раздается хруст гравия и мелькает чей-то силуэт.

– Он как здесь оказался? – бормочет Джоанна, раздраженно встряхивая головой, и с тяжелым вздохом поднимается с дивана. – Видимо, открывать придется мне?

Я пожимаю плечами. Мы обе знаем, что я не могу встречать гостей, тем более заходящих через заднюю дверь – то есть кого-то из знакомых. С чужими проще, хотя и ненамного. Я теперь вообще не особо коммуникабельна.

Всем своим видом выражая недовольство, Джоанна выходит из комнаты. Этим надо немедленно воспользоваться. Прощай, Вестерос, здравствуй, «Радио Классика». Торжествуя, я возвращаюсь на диван, омываемая волнами музыки Дебюсси, и поднимаю бокал с остатками риохи в честь неведомого посетителя. Кто успел, тот и съел – так-то, сестренка. И пусть сколько угодно теперь ворчит и брюзжит.

Однако Джоанна задерживается, и мой триумф блекнет. Что происходит? Мне удастся уловить голоса. О чем они там шепчутся? Может, это свидание? Тайный воздыхатель? Неужели она опять вернулась к знакомствам через интернет? Ведь зарекалась после того унижения с Казановой на пенсии. Впрочем, у нее сплошные секреты... Поэтому она позволяет мне пить – чтобы я не заметила, как она с кем-то встречается у меня за спиной? Я же все равно никому ничего не смогу рассказать...

Поднося бокал к губам, чтобы сделать последний глоток, я вдруг слышу непонятный грохот и вскрик Джоанны. Низкий мужской голос, скрежет ножек стула по полу... Потом все стихает. Я судорожно перебираю в голове все оправдания тому, чтобы не вмешиваться – не первый раз я все понимаю неправильно и реагирую невпопад. Не хватало ворваться и застать сестру в страстных объятиях таинственного незнакомца.

Осторожно поднявшись с дивана, я сбрасываю тапочки и бесшумно ступаю по ковру в одних носках. Радио продолжает играть. Под прикрытием взрыва рекламы я приоткрываю скрипучую дверь и как заправский сыщик прокрадываюсь в холл. Здесь все залито ярким светом, на крючках висят наши цветастые куртки, на стене ужасная картина маслом, которую Джоанна купила в женском клубе... Все мои страхи сразу кажутся полной глупостью. Меня едва не разбирает смех от всплывшей вдруг в памяти рекламы из времен нашего детства, как взрослый мужчина в полосатой пижаме тайком, на цыпочках пробирается в кухню за газировкой. Вот ведь застревает в голове какая-то чушь, когда столько всего исчезло оттуда бесследно...

Я уже собираюсь вернуться обратно в комнату и оставить Джоанну наедине с тайным любовником, когда вновь слышу ее стон. Следом раздается страшный грохот и крик, в котором явно звучит страх, а не страсть.

Взвинченная и готовая на все, насколько это для меня возможно, я распахиваю дверь. И замираю перед открывшимся ужасом, теряя драгоценное время. Пол усеян битым стеклом, везде следы отчаянной борьбы. На кухонном стуле, безвольно обвиснув в связывающих ее путах, проигравшая – женщина в желтом кардигане. Это моя сестра. Из глубокой раны на лбу сочится кровь, призрачно-бледное лицо покрыто капельками пота. В широко раскрытых глазах ужас, она силится что-то сказать, но ее рот заткнут какой-то тряпкой.

Сзади вдруг раздаются шаги, и меня обхватывают сильные руки. Мой вопль тут же прерывает сдавленное горло предплечье. Я безуспешно вцепляюсь в него, пытаюсь сопротивляться, однако напавший слишком силен. Он тащит меня к сестре, ее наполненные страхом глаза все ближе. Она дергается на стуле, стараясь освободиться. Давление усиливается, я отчаянно борюсь за один-единственный жизненно необходимый мне вдох. Глаза застилают слезы, ноги молотят в воздухе, никак не попадая в цель, пальцы тщетно пытаются ослабить мертвую хватку на шее. Паника нарастает – я понимаю, что эти жалкие и бесполезные потуги могут стать последними в моей земной жизни. Пытаюсь собрать последние силы, но они утекают, как вода сквозь пальцы. Смерть совсем близко.

На мгновение становится немного легче, пока нападающий перехватывает мое правое запястье, сжав его словно в тисках. Я судорожно успеваю втянуть совсем чуть-чуть воздуха, и тут же рука вновь сдавливает мне горло, а другая вздергивает мою кисть, так что она задевает щеку Джоанны, царапая ногтями влажную кожу. Наши взгляды встречаются, сестра силится что-то сказать, но ей мешает эта ужасная тряпка. Я едва могу видеть сквозь завесу слез и сгущающуюся по краям поля зрения черноту. Все кажется далеким и размытым, как будто я смотрю откуда-нибудь со дна озера. Мир сужается до одной-единственной точки, до какого-то сантиметра моей гортани, нещадно передавленного мертвой хваткой, до так необходимого глотка воздуха. Последние мгновения моей жизни отражаются в расширенных от ужаса глазах Джоанны...

Черная пелена уже почти полностью заволакивает все вокруг, когда напавший вдруг отпускает меня. Я валюсь на колени, воздух трудно наполняет изголодавшиеся легкие, из глаз неостановимо текут слезы. Я жива! Безвольно уткнувшись лбом в пол, я жадно дышу и не могу надыхаться. Наконец я со страхом поднимаю глаза на того, кто это сделал. Надо мной нависает высокий мужчина в черной кофте с капюшоном. Нижняя часть лица закрыта лоскутом черной ткани, как у байкера, с натуралистичным изображением нижней части черепа – словно рентгеновский снимок зубов и челюсти, что только добавляет ужаса. Внутри у меня все обрывается. Я понимаю, что с этим человеком в наш дом вошла сама смерть, и только я

могу его остановить. Схватив единственное оружие, попавшееся под руку, – осколок стекла – я делаю выпад, целя прямо в лицо. Однако у мужчины хорошая реакция, и он без труда уворачивается от моей атаки. Стекло глубоко впилося в ладонь, но я снова выбрасываю ее, скользкую от теплой крови, вперед. На этот раз мне почти удается сорвать эту ужасную маску. Звучит притворный маниакальный смех, сильная рука стремительным движением перехватывает мое запястье и заламывает за спину. Мускулы и сухожилия буквально вопят от боли, я изгибаюсь всем телом, пытаюсь высвободиться. Удар коленом в живот вышибает из меня дух, и я бессильно валяюсь на пол.

Мужчина встает перед Джоанной, его рука в перчатке сжимает нож – наш, для резки мяса, с розовой ручкой, который сестра заказала в телемагазине. Я ползу, отчаянно перебирая руками и ногами, чтобы остановить убийцу, но он слишком быстр, а нож слишком острый. Джоанна успевает лишь издать изумленный низкий стон, а кровь – ее кровь – уже стекает с лезвия и собирается на полу темной лужицей. Мужчина отступает на шаг, чтобы полюбоваться содеянным. Я бросаюсь к сестре. Сколько же крови! В воздухе разливается медно-сладкий запах. Я пытаюсь остановить ее, но она пульсирующими толчками течет мне на ладони. Руки убийцы обхватывают меня сзади и тащат прочь от умирающей. Мои ноги молотят в пустоте, пытаюсь найти точку опоры. В считанные секунды он выносит меня в коридор и толкает к лестнице. Хватаясь за стену, я оставляю кровавый отпечаток ладони на картине. «Джоанна будет в ярости», – мелькает мимолетная мысль. Тяжелый ботинок с силой бьет в поясницу, и мои ноги подгибаются, как у пьяной. Голова, ударившись о нижнюю ступеньку, падает на паркетный пол, череп отзывается взрывом боли. Вновь слышится смех убийцы, затем все пропадает – и свет, и звук, – и я погружаюсь в непроглядную тьму.

Глава 2

По голове то ли бьют молотом, то ли ввинчивают в нее бурав, то ли сжимают ее тисками. Не знаю, что именно с ней делают, но страдание все сильнее и сильнее. Я ничего не вижу. Есть только боль – оглушающая, ослепляющая, заслоняющая весь мир завесой «белого шума». Хочется только одного – чтобы это прекратилось.

С трудом приоткрываю слипшиеся веки. Все вокруг качается и кренится. Накатывает дурнота, и я снова закрываю глаза. Боль такая, что я почти слышу ее. Да, скорее молот – в голове у меня словно забивают сваи. Даже дышать мучительно, каждый вдох будто обжигает горло.

Попытка пошевелиться вызывает раскаленную добела вспышку в мозгу, которая прокачивается по всему позвоночнику. Шум вроде бы стихает. Я открываю глаза и жду, чтобы все вокруг перестало кружиться. Я лежу на полу, неудобно скрючившись. Одна рука затекла, ноги выше колена протестующе ноют. Скребу пальцем по полу – дерево, ковра нет. Значит, я в холле, у лестницы. Не удержалась на ступеньках? А где же Джоанна? Уже ушла на работу? Я перекатываюсь на бок, высвободив бесполезно болтающуюся, будто резиновую, руку. Что все-таки случилось, почему я здесь? Почему сестра мне не поможет? По венам холодной струей ужаса разливается адреналин – у нас что, опять вышла стычка? Я внутренне съеживаюсь от осознания своей вины и выпускаю стон. Виновата, конечно, только я...

Зажмурившись, я пытаюсь глубоко дышать вопреки боли и дурноте, но внутри черепа вновь начинает стучать молот. Я открываю глаза, моргая от яркого света. Грохот не прекращается. Нет, это не только у меня в голове, это где-то снаружи. Снаружи... Меня вдруг сковывает страх, сердце в груди колотится как бешеное. Снаружи... Я вспоминаю теперь, почему я здесь, на полу. Почему у меня все болит. Это стучат в дверь. Убийца вернулся!

Я заставляю себя сесть. Голова раскалывается от боли, горло дерет от каждого вдоха. Убийца здесь, он колотит в дверь. Из последних сил я ползу в кухню. Нужно найти Джоанну. Вчера она пострадала, и сегодня моя очередь ее защитить.

На стене кухни висит телефон. Рванув длинный витой шнур, я сбрасываю вниз трубку. Нужно позвонить в полицию, но рука, на которой я лежала, по-прежнему отказывается слушаться – кровообращение еще только восстанавливается. Я кое-как пытаюсь набрать номер, горячие слезы застилают глаза... И тут я вижу Джоанну. Она лежит на полу, спиной ко мне, в темной луже.

Царапая ладони и колени осколками, я ползу туда, каждой клеточкой тела моля об одном: Господи, пожалуйста, пусть только окажется жива, Господи! Пол липкий на ощупь, и Джоанна лежит не шевелясь. Я трогаю ее за плечо, потом касаюсь лица... Кожа холодная. Я снова хватаюсь за телефон. Длинные гудки, наконец словно доносящийся издалека голос. «Полиция! Быстрее, прошу вас!» – хриплю я в трубку.

Грохот снаружи все сильнее, словно дом пытаются взять штурмом. Я пытаюсь поднять голову Джоанны, лежащую на твердом полу в засохшей крови, к которой прилипли светлые завитки волос, но не могу – слишком тяжело. Пальцы натываются на что-то холодное и острое, и ладонь инстинктивно сжимается вокруг оружия. Я больше не позволю причинить нам вред. Когда дверь наконец распаивается, не выдержав напора, я лежу, прижимаясь к сестре, пытаюсь влить свою жизненную силу в холодное неподвижное тело.

Стекло хрустит под ногами. Голоса – мужские и один женский. Я вцепляюсь в Джоанну, скуля от страха. Стыдно так вести себя рядом с мертвой, но я не хочу умирать, я еще почти и не жила!

– Сюда! – произносит один из мужчин.

Я вздрагиваю. Все мои чувства обострены до предела. Слышится шарканье по паркету, и мои пальцы вжимаются в металл. Я больше не позволю причинить нам вред.

– Боже мой! – восклицает кто-то. Голос кажется мне знакомым.

– Уберите его! – А этот я не знаю.

Снова шум шагов, потрескивание рации...

– Сара? Вас ведь зовут Сара, так? – мягко обращается кто-то ко мне. Женщина.

Подняв лицо от волос Джоанны, я сощуриваюсь. Полицейская униформа! Слава богу!

– Скажите, Сара, в доме есть еще кто-нибудь?

Я облизываю растрескавшиеся губы.

– На нас напали. Мужчина. – Говорить больно. – Вчера вечером.

Женщина оборачивается – за ней стоит еще один полицейский, с широкими плечами. Кивнув, он выходит из кухни. Я слышу, как он открывает и закрывает двери, тяжело ступая, поднимается по лестнице, потом сдвигает в сторону створку шкафа в комнате Джоанны – там надо дернуть и приподнять...

– Все чисто, – доносится сверху.

Где-то вдали слышны сирены. Снаружи звучат новые голоса. Голова раскалывается, вокруг все плывет... Меня рвет на пол, прямо под ноги. Судороги боли волной прокатываются по всему телу.

– Сейчас, Сара. Мы вызовем помощь.

Женщина поднимает рацию ко рту. Совсем молодая, на лице не видно ни единой морщинки, даже без макияжа. Волосы светлые, но отросшие корни выдают естественный цвет. Фигура скрыта мешковатой униформой. С внутренней стороны запястья мелькает небольшая татуировка ангельских крыльев.

Кто-то, подняв телефонную трубку, говорит в нее:

– Все нормально, мы уже на месте.

Снова шаги. Вернувшийся широкоплечий полисмен оглядывает кухню, и его глаза останавливаются на мне. Он расставляет руки, словно приближаясь к загнанному в угол зверю.

– Та-ак, Сара, – произносит он мягким, убеждающим тоном, – положите-ка ножик.

Женщина-полицейский отступает на шаг, только теперь увидев, что у меня в руке. Я высвобождаю нож с розовой ручкой из-под волос Джоанны и замечаю на нем засохшую черную кровь. Ее кровь. Нож выпадает у меня из руки, и меня скручивает новый приступ, хотя рвать уже нечем.

– Вот так, умница, – произносит здоровяк, словно я маленькая девочка.

Сирены смолкают. Дом наполняется новым шумом шагов, новыми голосами. Люди в форме – полицейские, paramedики – застывают в дверях, глядя на меня и Джоанну. Их лица бесстрастны, но я знаю, о чем они все думают – что это я убила свою сестру.

Глава 3

Мы не пользуемся столовой с тех самых пор, как уехал Джеймс. Постепенно она превратилась в свалку ненужных вещей: в углу стоят чемоданы, собирает пыль велотренажер Джоанны, и тут же груды одежды, предназначенной для благотворительного магазина. Джеймс готовился здесь к экзаменам, весь обложившись книгами и допоздна засиживаясь за голубовато светившимся в ночи экраном ноутбука. Обеденный стол навсегда сохранил выцарапанные циркулем инициалы и белые кружки от банок с газировкой. После мы долго с умилением смотрели на них – они напоминали о том, что в нашем доме рос ребенок. Разительный контраст с нашим собственным детством, когда за разбитое стекло или испачканную чернилами юбку мать больно шлепала нас, щипала и потом долго не разговаривала. Слава богу, с возрастом мы не стали на нее похожи – по крайней мере, в этом. Возможно, дело в том, что мы обе слишком много потеряли, чтобы придавать значение таким мелочам, как испорченный стол. К тому же мы никогда им и не пользовались, предпочитая перехватить что-нибудь на кухне либо усесться с подносом перед телевизором или радио. С отъездом Джеймса Джоанна совсем отказалась от семейных обедов. Может быть, дело в моем обществе?

Сейчас здесь холодно. Батареи не включали, наверное, с тех самых пор, как Джеймс сдал экзамены. Под подоконником расплзается пятно сырости. Надо будет сказать Джоанне... Реальность вдруг обрушивается на меня, словно внезапный удар под дых, и я начинаю хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Кто-то трогает меня за плечо. Я вздрагиваю. Еще один белый защитный костюм. Они по всему дому, словно высадившиеся на другой планете астронавты – бродят, что-то выискивая, переговариваются вполголоса по углам...

– Вы в порядке?

Вопрос задает женщина с короткими черными волосами и миниатюрным личиком. На вид ей лет двадцать, и она похожа на ребенка, который только притворяется кем-то. «Мамочка, сегодня я буду судебным экспертом-криминалистом».

Я киваю. Это как рефлекс. «Не устраивай драмы, Сара, никому не интересно твое притворство», – звучит в ушах мамин голос. Конечно, на самом деле я не в порядке. Какой уж теперь порядок... Снаружи дожидается «скорая»; Джоанну повезут без сирен и мигалок – спешка ей уже ни к чему. У дома куча полицейских, большинство которых просто стоят без дела. Перед входной дверью растянут большой белый тент, словно готовится какое-то зловещее празднество на открытом воздухе, только вместо флажков – огораживающая место преступления полицейская лента.

Я отворачиваюсь и обхватываю себя руками. Как же холодно... Тянет лечь, накрыться с головой и никогда больше не просыпаться. Только вот не знаю, получится ли у меня вообще теперь заснуть... Перед глазами стоит одна и та же картина: кровь Джоанны, горячая и блестящая, толчками бьет у меня между пальцев, и я ничего не могу сделать...

– Сара? Вас ведь зовут Сара?

Оказывается, девушка все еще разговаривает со мной. Я снова киваю, хотя и не слышала, что она спрашивала перед этим. Ее взгляд поднимается куда-то поверх моего плеча, губы шевелятся. Передо мной возникает еще какая-то женщина, светловолосая. Видела я ее уже или нет? Обычно я подмечаю мелкие детали, но сейчас никак не могу сосредоточиться. Люди входят и выходят из комнаты, громко стуча ногами и щелкая застежками черных чемоданчиков так, что я каждый раз вздрагиваю.

Блондинка что-то говорит. Слов не разобрать. Перед глазами только тело Джоанны, ее кровь на моих руках...

– Ваше полное имя?

- Что? А... Сара Уоллис.
- Вы живете здесь с вашей сестрой Джоанной Бейли?

Я киваю.

- Кто-нибудь еще с вами живет?
- Джеймс... – Я трясу головой. – Нет, он уехал в прошлом году.
- Кто такой Джеймс?
- Мой племянник. Сын Джоанны...

У меня перехватывает голос, в горле комок. Что я скажу Джеймсу? Ему всего двадцать, и он потерял теперь уже обоих родителей. Горячие слезы жгут мне глаза. Как ему сказать?

– Вчера вечером в доме были только вы с сестрой? – продолжает спрашивать женщина-полицейский.

Я киваю.

- Потом пришел какой-то мужчина. Через заднюю дверь.
- Во сколько это было?

Я пытаюсь сообразить. Джоанна смотрела сериал... А я ей мешала как последняя дура. Вечно я порчу ей жизнь. Не могла даже открыть дверь, дав досмотреть спокойно. На месте сестры должна была оказаться я. Пусть бы лучше моя кровь пролилась. Я вижу, как сквозь непослушные пальцы текут красные ручейки...

Женщина-полицейский снова говорит что-то. Подняв на нее глаза, я пытаюсь сосредоточиться на ее словах.

- Вы не против, Сара? Нам надо проверить, все ли с вами в порядке.

До меня доходит, что речь идет о поездке куда-то.

- Что?! – еле выговариваю я.

Во рту мгновенно становится сухо, горло перехватывает от знакомого приступа паники.

- Нужно показать вас врачу – убедиться, что все нормально.

Врач – это знакомо, это я смогу. Я столько времени провела в больницах, что чувствую там себя почти в безопасности. Почти. Меня всю трясет – от холода и, наверное, от шока. Мне дают время надеть пальто и захватить сумочку, потом выводят наружу через выбитую входную дверь. Яркий солнечный свет ослепляет, холодный воздух пахнет мокрой травой и выхлопными газами. Гравийная дорожка вся перепахана колесами автомобилей, на маленьком клочке газона перед домом глубокие следы шин.

Я поеживаюсь – на улице по-весеннему свежо. «Скорая» уехала. Куда увезли Джоанну? Спросить я не успеваю – меня усаживают на заднее сиденье полицейской машины, которая немедленно трогается с места. На деревьях набухают почки, в траве перед церковью тут и там разбросаны розовые цветки. Яркие тона застают меня врасплох – последний раз я выходила из дома шесть недель назад.

Глава 4

Во сне я здорова. Я снова такая, какой, наверное, была когда-то и какой хочу стать. Звучит музыка, я танцую, скинув туфли на каблуках, ритм бьется в каждой клеточке тела. Люди оборачиваются, и я улыбаюсь про себя. Мне всегда это удается – быть в центре внимания, притягивать взгляды. Теперь, правда, только во сне...

Все вокруг вдруг мрачнеет, словно музыка сменила тональность с мажора на минор. Меня пихают локтями, на платье проливают коктейль, кто-то наступает на босую ногу... Со всех сторон наваливаются чужие тела, становится нечем дышать, словно разгоряченная человеческая масса высосала весь воздух. Без обуви, в одном тонком платице я чувствую себя маленькой и беспомощной, уязвимой. Очередной толчок едва не сбивает меня с ног. Подняв глаза, я вижу абсолютно пустое лицо, белую маску безо всякого выражения. Черные акульки глаза глядят с холодным расчетом, угрожающе поблескивая. Я трепещу от ужаса, а маска смеется...

Вздрыгнув, я прихожу в себя. Надо мной склоняется чье-то лицо. Темная кожа, внушительный нос, очки от «Армани» в квадратной оправе. Длинные черные волосы ниспадают на белый халат.

– Очень хорошо. – На лице возникает улыбка. – Знаю, вам хочется спать, но нужно еще кое-что проверить. Приложили вас серьезно.

Мне светят в глаза фонариком, щупают пульс... Все еще тошнит? Нет. Можете прочитать текст на карточке? Я читаю, хотя каждое слово болезненно отзывается в израненном горле.

Врач снова тепло мне улыбается.

– Все нормально. Вам ведь уже немного лучше?

Я киваю. Это как рефлекс. «Не устраивай драмы, Сара». Меня отмыли и перебинтовали, но лучше я себя не чувствую. У меня взяли кровь, соскоб из-под ногтей, мазок с внутренней стороны щеки и сфотографировали синяки на животе и вокруг шеи. На кисти наложили толстые повязки, похожие на боксерские перчатки, ссадину на лбу залепили пластырем. Все болит, однако я осталась жива... Почему убийца не зарезал меня так же, как Джоанну? Почему она, а не я?

Мое сознание словно уплывает в этой тихой комнате, куда доносятся только неясные шумы больницы – жужжание и слабый писк приборов, шарканье резиновых подошв по коридору... Снаружи дожидаются полицейские, хотят меня опросить. Доктор настаивает, что мне нужен покой, но отдохнуть мне не дают – какие-то люди один за другим заходят снять показания приборов, проверить состояние... По углам переговариваются вполголоса, шуршат бумагами, передают из рук в руки чашки с чуть теплым чаем.

На все мои вопросы о Джоанне или Джеймсе ответ один: не волнуйтесь, отдохните, скоро вами займется полиция. Я откидываюсь на подушках и закрываю глаза в отчаянной надежде, что когда открою их, то окажусь дома. За окном на рябине будут скакать белки, а снизу из кухни будет слышно, как хлопочет Джоанна...

На деле, когда я просыпаюсь, надо мной склоняется чье-то незнакомое лицо. Мне говорят, что я могу идти. Вокруг возникает еще множество чужих людей, одна из них – женщина-полицейский. Она дает мне белую футболку и серый спортивный костюм, который оказывается так велик, что пояс приходится утянуть почти вдвое. Я пытаюсь сосредоточиться и понять по голосу, та же ли передо мной блондинка или другая. Эта коренастая, чуть выше меня, волосы убраны в конский хвост, на правой щеке большое родимое пятно. Бедняжка, думаю я про себя, к собственному неудовольствию различив в мысли мамы ехидные нотки.

Снаружи меня встречает потемневшее, свинцовое небо. Горизонт вспухает мрачными тучами. Похоже, надвигается дождь. Мы садимся в машину. Я прижимаю лицо к стеклу и без-

думно смотрю на мир, проносящийся за окном. Живот болит. В голову приходит мимолетная мысль: вдруг у меня внутреннее кровотечение? А, какая разница...

Полицейский участок с виду выглядит как обычное офисное здание. Я много раз его видела и даже не обращала внимания.

– Сара, вы в порядке? – окликает меня на парковке спешащий навстречу здоровяк с распирающим рубашку животом. Голос знакомый, но вне контекста я не могу связать его с кем-либо, кого знаю, и мучительно пытаюсь вспомнить, кто это.

– Извините, сэр. – Полицейский оттирает мужчину плечом, и меня ведут по ступенькам ко входу.

– Сара! Я Алан! Требуйте адвоката, милая! Обязательно потребуйте адвоката!

Я оглядываюсь. Да, конечно, Алан, наш сосед. Он, наверное, и утром был в доме вместе с полицией. Почему он считает, что мне нужен адвокат? Думает, это моих рук дело?.. Дверь захлопывается, и от поднявшейся паники у меня сжимает горло и перехватывает дыхание. Меня бросает в жар – в маленькой приемной слишком много людей, я буквально физически чувствую, как они высасывают из нее весь воздух.

На пластиковых стульях, привинченных к полу, сидят две женщины, одна из них с подбитым глазом; их пальцы с ногтями кричащих цветов так и порхают влево-вправо над экранами телефонов. Рядом похрапывает старик в мокрых брюках, от него доносится запах мочи.

Полицейский набирает пароль на кодовом замке, отпирая дверь. Женщина с подбитым глазом отрывает взгляд от своего телефона.

– Чего это ее вперед пускают? Мы уж сколько времени ждем!

Я съеживаюсь под чужими взглядами. В глотке стоит ком, не дает дышать. Неужели не видно, что мне плохо? Рука инстинктивно тянется к горлу, но женщина, нисколько не тронутая, продолжает пялиться на меня с той же неприязнью. Кто-то берет меня под руку и отводит в маленькую боковую комнатку, где я буквально падаю на стул. Опустив голову между колен, я закрываю руками уши и стараюсь глубоко дышать, пока паника не отступает. Никто не говорит мне ни слова – видимо, здесь такое в порядке вещей. Спустя некоторое время мне приносят кружку слегка закрашенного молоком чая и сэндвич с сыром.

Наконец я остаюсь одна. Мне это было просто необходимо – посидеть наедине со своими мыслями в пустой комнате. Я и не догадывалась, насколько ушла в свой внутренний мир, как отвыкла от людей – а сегодня они так и толклись вокруг. У меня буквально звенит в ушах от производимого ими шума и от попыток разобраться во всем том, на что никто другой и внимания бы не обратил: манера смотреть, гримасы в виде поджатых губ или нахмуренных бровей, акцент и легкие дефекты речи... Я так устала от этого, что вся словно одеревенела, даже плакать не могу. Сажу, тупо уставившись в стену неприятного зеленого оттенка, потертую и испещренную мелкими дырочками. Цвет напоминает мне мятные пастилки, которые мама давала нам во время долгих поездок на машине. В комнате только стол и два стула. Окна нет.

Перед глазами все плывет. Я опускаю раскалывающуюся от боли голову на стол. От поверхности слегка пахнет хлоркой. Не знаю, сколько сейчас времени. Наверное, снаружи уже стемнело. Сейчас все пойдут с работы домой, будут готовить ужин и смотреть телевизор... не задумываясь, что в любой момент в дверь может ворваться их худший кошмар. Я была такой же – до вчерашнего дня. Я считала наш дом самым безопасным местом на земле. Это было мое убежище от ужасов внешнего мира, но они настигли меня и там.

Я опускаю веки, однако перед глазами немедленно встает прошлый вечер. Как я врываюсь в кухню. Наш разделочный нож с розовой ручкой, заказанный в телемагазине. Мужчина, весь в черном. То, как он двигался... Уверенно – вот подходящее слово. И потом кровь. Горячая, липкая, и запах – странно сладкий, с привкусом железа. Меня едва не тошнит, чай попо-

лам с желчью поднимается по пищеводу. В голове снова и снова прокручивается одно и то же – убийца, красный от крови нож, маска в виде черепа... Почему, почему?!

Сзади открывается дверь, заставив меня вздрогнуть. Кажется, я ненадолго отключилась. Пока я неловко вытираю забинтованной рукой рот, напротив усаживаются две женщины. Одна – с родимым пятном, она представляется констеблем Кейси Краун (имя как будто со страниц какого-нибудь комикса о супергероях). Другая ниже ростом, смуглая, черные волосы коротко подстрижены, только челка длинная, блестящие глаза глядят внимательно. Туфли на высоких каблуках, брючный костюм... Выглядит совсем девочкой, но видно, что именно она здесь главная. Я настороженно киваю в ответ на приветствие, и в мозг будто гвоздь втыкают. Я просто не вынесу еще разговоры, еще людей.

– Рада снова вас видеть, Сара. Я детектив-сержант Самира Нур, заместитель старшего следователя.

Я узнаю голос. Это та, что была в доме, которой я дала лет двадцать на вид. Теперь она в деловом костюме, совсем как взрослая. В том, как она представляется, чувствуется оттенок гордости – похоже, на должность ее назначили недавно. Молода, но уже добилась успеха и хочет, чтобы другие это знали и уважали ее. Я бы вела себя так же, если бы окружающие не воспринимали меня всерьез.

– Сара, надо, чтобы кто-нибудь побыл с вами при нашем разговоре. Кого мы могли бы пригласить?

Она говорит со мной медленно, как с ребенком.

– Джеймс...

Боже, Джеймс ведь еще даже не знает! Кто-нибудь должен рассказать ему о его матери! Он бежит на этих выходных ультрамарафон в национальном парке Сноудония, а дома ждет такое... Наверное, сообщить придется мне, но как это сделать? Немыслимо. Глаза начинает щипать от подступивших слез.

Нур качает головой:

– Нам пока не удалось с ним связаться. Телефон, который вы нам дали, оказался неверным. Ваш племянник не менял недавно номер?

Не могу сказать. Я нечасто общалась с Джеймсом после его отъезда.

– Джоанна должна была знать... – бессмысленно говорю я.

Нур терпеливо улыбается. Конечно, сестра нам тут уже не поможет.

– Можем мы позвонить кому-нибудь еще?

Я качаю головой. Нет, больше некому. Теперь – нет. Есть, правда, еще доктор Лукас, но не вызывать же своего психиатра для присутствия при полицейском допросе. Раньше со мной всегда была Джоанна.

– Хорошо, Сара, тогда вот что мы сделаем. Разговор будет вестись с соблюдением необходимых мер предосторожности. Мы подыщем подходящего ответственного представителя, чтобы рядом с вами кто-то был, а также пригласим дежурного адвоката. Мы в курсе вашего уязвимого состояния, – увидев выражение на моем лице, поспешно продолжает она тоном взрослого, говорящего с ребенком на грани истерики, – и хотим убедиться, что вы понимаете происходящее.

Алан, конечно, все растрепал. У него язык без костей. Выложил все мои тайны, все, что я скрывала от мира. Теперь они считают меня чокнутой. «Уязвимое состояние», надо же... Они понятия не имеют, о чем на самом деле речь.

Глава 5

При других обстоятельствах я бы, наверное, рассмеялась. Моим «ответственным представителем» оказывается совсем молодая студенточка, работающая на общественных началах ради баллов в дипломе. Она заявляется в джинсовом комбинезончике, в ушах – огромные серьги с перьями, в носу – пирсинг. Очки в массивной квадратной оправе, которые из меня сделали бы старуху, каким-то образом только подчеркивают юность девушки.

Представившись как Кэсси, она опускается на стул рядом со мной. От нее пахнет кокосом и дымом.

– Простите, я была на барбекю за городом, когда позвонили. Не успела переодеться, – поясняет Кэсси с виноватой улыбкой, сверкнув скобками на зубах.

Наверняка она милая девочка, но рядом с ней я чувствую себя ее «ответственным представителем», а не наоборот.

Дежурный адвокат немногим лучше. Он моложе меня, хотя темные круги под глазами и выступившая к вечеру щетина на подбородке добавляют ему лет. Мужчина с трудом сдерживает зеवоту, руки, перебирающие бумаги, слегка дрожат. Почти не глядя на меня, он читает протокол, задает невпопад какой-то вопрос и делает пометки дешевой ручкой со следами зубов. Адвокат мог бы найти себе перо получше.

По сравнению с этими двумя миниатюрная детектив-сержант Нур в темном брючном костюме и с аккуратным маникюром просто образец профессионализма. У нее, как и у меня, сегодня тоже был долгий день, однако она свежа и собранна. И, не тратя времени даром, приступает к делу. Мне зачитывают официальное предупреждение, что мои слова могут быть использованы против меня. При этом она подчеркивает, что я не арестована, мне просто зададут несколько вопросов, чтобы прояснить факты. Это понятно? Я киваю. Меня не арестовали – пока.

Одного кивка недостаточно – разговор записывается. Откашлявшись, я подтверждаю, что все поняла, и бросаю на Нур холодный взгляд. Я знаю, к чему она ведет. Этот мягкий тон, эти заверения ничего не стоят – она пытается меня поймать. В ответ на ее губах мелькает мимолетная пронизательная улыбка. Думает, что видит меня насквозь? Что ж, удачи; я и сама хотела бы узнать, что можно прочесть в моей голове.

– Вы понимаете, о чем говорит детектив-сержант Нур? – повторяет Кэсси.

– Да, – отвечаю я и, наклонившись к диктофону, еще раз отчетливо проговариваю: – Я понимаю.

После этого все начинается уже всерьез. Нур разбирает по косточкам детали прошлого вечера, словно ворон – труп. Каждая фраза, каждое слово исследуется до мелочей и рассматривается чуть ли не под микроскопом, пока не обглаживается дочиستا.

– По словам сержанта Бауэра, вы упомянули, что ваша сестра узнала того человека? – спрашивает Нур, заглянув в свои записи.

– Да. Когда она увидела его за окном, то сказала: «Он как здесь оказался?»

– А сами вы его не узнали?

Я делаю глубокий вдох. Насколько я могу им открыться? Как много могу рассказать незнакомым людям в этой пустой комнате?

– Сара, этот человек был вам известен? – настаивает Нур.

– Не знаю.

– Не знаете?

– Это сложно объяснить.

– Я понимаю, что непросто; тем не менее придется, – твердо говорит Нур.

– Сара, вам нужен перерыв? – вмешивается моя нянька.

Нур бросает на нее взгляд, в котором явно читается раздражение. Нет, мне не нужен перерыв. Я хочу покончить с этим.

– Я не узнала его, но это не значит, что он был мне неизвестен.

Однако сама мысль, что кто-то из знакомых настолько ненавидел нас, чтобы напасть с такой холодной жестокостью, ужасает.

– Двадцать лет назад мы с мужем Джоанны попали в автомобильную аварию. Он погиб, а я почти год была в коме. У меня осталось нейрологическое расстройство – прозопагнозия.

Никому вокруг это явно ничего не говорит.

– Иногда ее еще называют слепотой на лица.

Вот теперь в глазах моих слушателей появляется интерес, даже квелый адвокат наводит уши.

– Точнее, я вижу лица, но не узнаю их. Как будто у меня из мозга пропало то, что позволяет их помнить и сопоставлять с именами знакомых.

– Хотите сказать, если сейчас сюда вошла бы ваша мама, вы и ее бы не узнали? – недоверчиво переспрашивает Кэсси.

– Для близких людей, – «в число которых моя матушка не входит», добавляю я про себя, – у меня есть своя система, я узнаю их по чему-нибудь другому – по голосу или волосам, например. Когда мы куда-нибудь выбирались с Джоанной, она надевала кардиган очень яркой расцветки, просто жутко кричащей, зато я могла сразу различить ее среди других людей, если бы мы вдруг разделились.

У меня срывается голос – я как наяву вижу перед собой Джоанну в этом горчично-желтом кошмаре с оборками и помпонами. Кто только додумалсяшить их на кардиган... Она его терпеть не могла, хотя он действительно отлично выделялся в толпе и помог во многих наших вылазках в город, пока они не прекратились из-за других моих проблем. Господи, Джоанна, как же я буду жить без тебя?!

– Ого, – выдыхает Кэсси. – Никогда о таком не слышала!

Я пожимаю плечами. Мало ли что в мозге может пойти не так. По сравнению с некоторыми пациентами реабилитационного центра «Хилвуд-хаус», куда меня направили, мне еще повезло.

– Вы не различаете лица, но в состоянии запомнить другие черты... – раздумчиво произносит Нур. – Вы не могли узнать нападающего по каким-то иным особенностям?

Я качаю головой.

– Он был весь в черном. Я даже волос его не видела. Высокий, спортивного телосложения. Сильный.

– Возраст?

Я колеблюсь. Лицо мужчины едва мелькнуло передо мной. В основном он старался держаться сзади. Намеренно? И вообще глаза мне почти все время застилала слезы.

– Точно не дряхлый старик. Сильный и быстрый.

– А голос?

– Он только рассмеялся, когда пнул меня.

– Может, еще какая-нибудь деталь? Говорите все, что только придет вам на ум, Сара.

Я отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-то, что могло бы пролить свет на произошедшее. Чувствуя подступающую тошноту от новой панической атаки, я все же мысленно переношусь на нашу кухню и заново проигрываю в голове всю сцену. Столько крови – горячая, липкая, она течет сквозь пальцы, и я ничего не могу сделать. Нож с розовой ручкой...

– По-моему, убийца уже бывал у нас на кухне. Он взял наш нож для мяса – значит, должен был знать... – Я не договариваю. Невыносимо думать, что близко знакомый человек, знавший, где что лежит, мог сделать такое.

Нур, однако, мои слова не убеждают.

– Он мог просто схватить, что попалось под руку. На любой кухне найдется острый нож. Я нехотя соглашаюсь. Просто в этом чувствовалось что-то... личное. Джоанна любила свои разноцветные ножи – у нее был еще парный к этому, зеленый, для овощей. Ей нравились такие маленькие штришки.

Я с трудом сдерживаю очередной всхлип. Поверить не могу, что ее больше нет.

– Сара, ну же, даже мельчайшие...

– Сара, вам нужен перерыв? – снова вмешивается Кэсси. – Мне кажется, вы устали.

Нур, подавив раздражение, внимательно смотрит на меня.

– Сара?

– Я в порядке.

Это ложь. Меня тошнит, я чувствую себя потной и липкой, горло болит от каждого вдоха. Я отчаянно хочу забраться в кровать, но как после всего случившегося вернуться домой?

– Многим известно о вашем расстройстве? О про-зо-паг-нозии? – спрашивает женщина-полицейский, заглянув в свои записи.

Это впечатляет – мало кто удосуживается запомнить правильное название, а тем более верно его произнести.

– Не знаю... Ну, Джеймс, само собой. Некоторые из соседей – например, Алан. Наш врач-терапевт. Друзья Джоанны. Да мало ли кому еще она могла сказать...

– А вы сами говорили кому-нибудь?

– О таком не хочется сообщать.

А в последнее время я вообще мало с кем мало о чем разговаривала.

– Правда? – удивляется Кэсси. – Разве не лучше сказать об этом при знакомстве, чтобы люди знали и в следующий раз, например, сразу называли себя по имени? На мой взгляд, так было бы проще.

Меня охватывает раздражение. Впервые услышала о расстройстве минуту назад и будет еще меня учить, что делать! Даже название верно произнести не попыталась!

– У меня прозопагнозия, а не идиотизм. Попробуйте сами невзначай упомянуть о таком, например, покупая газету. И вообще это попросту опасно. Кто-то может воспользоваться вашим уязвимым положением.

Выходит куда более резко, чем я хотела бы. Адвокат поднимает на меня глаза с недоумением, и я беру себя в руки. Не стоит им видеть меня с этой стороны. Делаю глубокий вдох и перевожу взгляд на Кэсси, красную как рак.

– Наверное, мне действительно нужно немного передохнуть.

Нур отрывисто кивает, останавливает запись и выходит из комнаты. Мне предоставляют возможность воспользоваться туалетом, и я долго сижу в кабинке, уперев локти в колени и положив голову на руки. Я так устала, что готова уснуть прямо здесь, но стоит мне закрыть глаза, как перед ними встает ужас прошлого вечера. Кто мог это сделать? Кто-то, кого знала Джоанна и кому было известно о моем расстройстве. Однако у нас не так уж много знакомых мужчин, и я уверена, что никто из них на такое не способен. Алан, сосед, – он, конечно, со странностями, но вообще добрейшей души здоровяк. Есть еще коллеги с работы Джоанны... Она говорила про какого-то Алекса из руководства, что он «настоящий козел». Может быть, он? Ну, парочка ее бывших ухажеров – так это было сто лет назад, она давно уже ни с кем не встречается. Или нет? Я вдруг ясно припоминаю ее странную полуулыбку на прошлой неделе и как сестра напевала на кухне, одетая в новое платье. И счет за обновки из дорогого магазина белья на Хай-стрит – сто двадцать три фунта за бюстгальтер и двое трусиков вместо обычных трех за десятку из супермаркета. Еще в последнее время Джоанна была какой-то отстраненной, не изводила меня придирами и не доставала, как обычно. В кои-то веки я жила спокойно, предоставленная сама себе, и поэтому даже не поинтересовалась причинами. Где она витала? У нее кто-то появился? Если да, то почему держала это от меня в секрете?

Снаружи слышится тактичное покашливание. Поднявшись, я спускаю воду и выхожу. У раковин нерешительно мнется Кэсси, которую я без труда узнаю по комбинезончику и серьгам с перьями. Экстравагантные наряды – мои лучшие друзья.

– Как вы, Сара? – с неуверенной улыбкой спрашивает девушка.

Я изучаю свое отражение в зеркале над раковинами. Лицо бледное, беспощадное флуоресцентное освещение выделяет все седые пряди в моих светлых локонах. Вдоль линии роста волос видна засохшая кровь. Я кошусь на Кэсси с ее молочно-свежей кожей, блестящими волосами и сиянием юности, которое не могут приглушить даже скобки на зубах и очки в квадратной оправе.

– Нормально, – без выражения говорю я.

– Это я, Кэсси, – напоминает она.

– Я знаю. – Встретившись с ней взглядом в зеркале, я киваю на серьги. – Перья. В полицейском участке их нечасто встретишь.

Она улыбается, сверкнув белыми зубами и блестящими скобками.

– Ага. Надо же было заявиться на вызов в таком виде! Уж точно не то первое впечатление, которое я надеялась произвести на этой работе.

– Не переживайте, со мной каждое впечатление – первое. – Это, конечно, неправда, с памятью в целом у меня все нормально, но в среде людей с прозопагнозией такой юмор.

– Наверное, нам пора... в общем, обратно.

Мысленно собравшись с духом, я киваю. Все происходящее кажется каким-то нереальным. Может, у меня опять что-то не в порядке с головой, и это лишь мрачная галлюцинация? Сейчас придет Джоанна и погонит меня к доктору Лукас, та скорректирует лекарства, которые я принимаю, и ужас вокруг рассеется.

Я выхожу вслед за Кэсси в коридор, где навстречу нам уже шагает сгусток энергии в брючном костюме.

– А, отлично, Сара, вижу, вы готовы продолжить.

Это звучит утверждением, а не вопросом, так что я ничего не отвечаю. Для такой миниатюрной женщины в Нур слишком много от прущего напролом парового катка. Мы опять попадаем в комнату со стенами цвета мятных пастилок, квелый адвокат берет себе еще кофе, а Нур просматривает записи. Я знаю – то, что она заставляет нас ждать, вовсе не случайно. По ней видно: она из тех, кто всегда заранее знает, о чем хочет спросить. Затянувшееся молчание становится гнетущим. Кэсси нервно ерзает на стуле, позвякивая браслетами. В душе поднимается паника, грудь сжимает словно тисками. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании, уговаривая себя – успокойся, этот спазм только в твоём воображении, на самом деле тебе ничего не мешает. Не думай о нем, дыши.

– Сара...

Голос Нур заставляет меня вздрогнуть. Я открываю глаза и фокусирую взгляд на ней, пытаюсь понять, что у нее на уме. Боюсь, мне не понравится то, что я сейчас услышу. Сглотнув, я сжимаю ладони.

– Сара, – повторяет Нур, – я хочу, чтобы вы рассказали мне о вашей недавней ссоре с сестрой.

А, вот оно что.

Глава 6

Восемнадцать лет назад

Открывая глаза, я уже слышу отдаленный плач. Комнату заливают свет – наверное, я забыла задернуть шторы с вечера. Сколько же я спала? За окном самолет прокладывает диагональный след, который постепенно растворяется в воздухе. Скоро пролетит еще один, и в небе останется белый облачный крест. Иногда я играю сама с собой в такую игру – лежу, не двигаясь, пока видимый за стеклом голубой квадрат не станет совершенно чистым. Это может занимать на удивление много времени – там, наверху, все безостановочно летают туда-сюда, то и дело расчерчивая гигантские «классики». Все – но только не я.

Плач звучит громче и громче. Господи, уже тошнит от всеобщей скорби! Слезы, сопли – это не про меня. Я никогда не была такой прежде. Прежде... До аварии. Моя жизнь разделена на две части – до и после. Первая гораздо лучше второй. Кто хочет увидеть фильм о моей жизни – смотрите предысторию. Продолжение – отстой.

Кто-то с кем-то шепчется... Сплошные секреты. Джоанна хочет защитить меня, но от чего? Что может быть хуже этого? Я никого вокруг не узнаю, даже себя саму.

Через силу я сажусь в кровати и жду, когда пройдет головокружение. Неудивительно, что мне снятся танцы – наяву мне с трудом даются даже жалкие десять шагов по комнате. Я чувствую себя состарившейся прежде времени, и это дико бесит. Злость за то, что у меня украли мою молодость, не отпускает ни на минуту. Доктор Лукас говорит, что это постепенно пройдет. Надо приспособиться к своему состоянию, и тогда я оправлюсь и вернусь к нормальной жизни. Я знаю, что она права, что нужно работать над собой, но все мне теперь дается так тяжело... Иногда я целыми днями просто лежу в постели, глядя на белые следы самолетов в небе. А если день пасмурный, то у меня не остается и этого.

Я стою на лестничной площадке, прислушиваясь. Вздрагиваю, видя незнакомое лицо, которое смотрит на меня. Приходится напомнить себе, что это всего лишь мое отражение в зеркале. Я еще ничего, даже шрам почти не виден – теперь, когда волосы отросли. Нужно бы их покрасить и сделать стрижку. Не помешало бы немного румян и глаза подвести, вообще как-то оживить глядящий на меня бледный лик. О нас с Джоанной всегда говорили, что из двух сестер она умная, а я красивая. Сомнительный комплимент для нас обеих, но я втайне всегда считала, что лучше уж быть красивой, хоть и считается наоборот. Интересно, что думала Джоанна... Наверное, в свою очередь, полагала, что именно ей повезло больше, и не спорила с таким разделением. В конце концов, кому-то не достается ни того, ни другого.

Миновав зеркало, я поднимаюсь на самый верх и осторожно наклоняюсь над перилами – так, чтобы меня саму не было видно снизу. Там какая-то женщина снимает пальто и туфли. Малыш рядом плачет, стоя в верхней одежде и резиновых сапогах.

– Ну же, солнышко. – Голос принадлежит Джоанне, хотя раньше она никогда не употребляла подобных слов. Это уловка, чтобы смягчить постоянно звучащее в ее тоне раздражение, когда она говорит со мной. Или, как теперь, с этим мальчиком. – Давай снимем твои сапожки, милый.

Все время, пока она его разувает, малыш не перестает плакать. Она нагибается, чтобы растегнуть ему куртку, и шепчет на ухо:

– А кто здесь забыл, что он мамин храбрый малыш? Будешь вести себя молодцом, и сразу все станет хорошо, правда-правда?

Он наконец успокаивается, кивает и, шмыгая носом, рассматривает что-то, вложенное ему в руку. Предмет полностью поглощает его внимание, заставляя забыть о своем несчастье – совсем как на меня действует наблюдение за следами самолетов.

Я переступаю с ноги на ногу. Скрипит половица. Джоанна, накидывая просторный желтый кардиган, оборачивается и изображает на лице яркую улыбку.

– Привет, соня!

Я тупо смотрю вниз, малыш глядит на меня в ответ. Я точно должна его знать, раз он пришел с Джоанной. И он меня знает, судя по настороженному выражению. Надо разобраться. Я начинаю спускаться по лестнице. Дело это непростое – одна рука на перилах, правая нога, потом левая, переместить руку вперед, повторить... Остановившись, я снова отыскиваю глазами мальчика. Он ставит свои сапожки на полку для обуви. Я вдруг понимаю, что он здесь живет.

– Сара, ты в порядке? Мы как раз собирались пить чай с тостами... – весело щебечет Джоанна, но я вижу, что она напряжена. Как и малыш.

– Кто это?! Что здесь происходит?! – В моем голосе звучит паника. Я ужасно напугана этим внезапным пробелом в памяти. Почему я не могу вспомнить мальчика?!

Шагнув навстречу, Джоанна протягивает мне руку и помогает преодолеть две последние ступеньки.

– Это Джеймс, Сара. Мой сын. Он живет с нами. Он просто немного расстроен кое-чем, что случилось в садике. Ничего, чай с тостами его утешит, да, малыш?

Она улыбается и ерошит ему волосы. У Джеймса на щеках следы от слез и сопли пузырями. Я точно уверена, что вижу его впервые в жизни, однако Джоанна не стала бы врать. Вот так каждый раз – стоит решить, что мне уже лучше, как я вновь оказываюсь там, с чего начинала.

– Ты ведь уже не первый раз объясняешь?

Джоанна скашивает глаза на Джеймса. Тот увлечен своей игрушкой – маленькой деревянной пожарной машинкой.

– Не надо беспокоиться, – воркует сестра, аккуратно подбирая слова. – Пойдем со мной, и все устроится.

Она тащит меня в кухню, словно я тоже маленькая. Я сопротивляюсь, мотая головой. Не нужны мне чай и тосты. Я слишком устала, я хочу вернуться обратно в кровать и уснуть, наблюдая за самолетами.

Однако Джоанна все же усаживает меня за стол и принимается хлопотать с чайником и чайными пакетиками. Малыш Джеймс тем временем играет с пластмассовым набором кухонных принадлежностей. «И этот туда же», – недовольно думаю я. Как я могла забыть, что у сестры есть сын? Может, мне становится не лучше, а хуже? Надо будет спросить доктора Лукас.

Джоанна ставит на стол кружки с подбеленным чаем и – та-дам! – сочащимися маслом оладьями.

– Я совсем про них забыла, – счастливо щебечет она.

Надо бы ответить какой-нибудь шуткой про потерю памяти, но неохота делать усилие и придумывать. Да и аудитория так себе – у Джоанны всегда было не очень с чувством юмора, а ребенок слишком мал. Сидя на высоком стульчике с чашкой молока, он чавкает, по подбородку течет масло, крошки летят изо рта на стол, под носом следы соплей... Я отворачиваюсь.

Джоанна лезет за чем-то в ящик и усаживается рядом со мной, держа в руках пакет из супермаркета «Джон Льюис». Взгляд выжидающий – видимо, я должна запрыгать от радости. Похоже, оладьи были не случайностью, а служили, так сказать, для разогрева публики. Только я, хоть и страдаю проблемами с памятью, еще не полная дура. Я слишком хорошо знаю свою сестру.

Она вытаскивает из пакета большой дорогой альбом с красивым тканевым переплетом и толстыми тисненными листами.

– Это, – с триумфом провозглашает она, – будет твоя книга о самых важных для тебя людях, Сара.

Смотри...

Она переворачивает страницы, показывая то, что уже заполнила сама, – мое имя, дату рождения, фотографии ее и Джеймса с крупно подписанными замысловатым почерком именами и другими деталями: кем они мне оба приходятся, рост, вес, возраст, особенности речи. Еще один снимок – лысый мужчина с круглым лицом, в очках. Это наш семейный врач, доктор Шах. Пять футов шесть дюймов, полный, говорит с сильным акцентом. Носит элегантный галстук-бабочку, хотя в скобках добавлено «не обязательно».

– А где доктор Лукас? – спрашиваю я без особых эмоций.

– Мы теперь живем далеко от больницы «Хилвуд-хаус», Сара... – очень медленно, подбирая слова, произносит Джоанна. Мне она почему-то напоминает человека, ступающего по тонкому льду. – Нам пришлось переехать из-за моей работы. Помнишь, мы говорили об этом? Доктора Лукас больше не будет.

На меня жаркой волной, захватывая целиком, накатывает паника. Я отшатываюсь от стола, глаза заволакивают слезы. Какая жестокость! С доктором Лукас я добила такого прогресса!

– Сара... – предупреждающе говорит Джоанна, кивая на ребенка. Тот смотрит на меня круглыми от страха глазами, нижняя губа у него дрожит.

Мой взгляд падает обратно на альбом, на фото женщины в зеленом платье. Она сидит на садовом стуле и щурится от солнца. В волосах поблескивает седина. На лице ни следа улыбки. Читаю подпись: «Мама. Рост 5 футов 4 дюйма, 12 размер, короткая стрижка, носит крестик».

На меня обрушивается чувство страшной тоски и потерянности. Как такое возможно, чтобы я не помнила лица собственной матери?! Я хватаю альбом – доктор Лукас назвала бы это способом справиться со стрессом, но наших с ней сеансов больше не будет – и швыряю его через всю кухню. Он сбивает чашку со шкафчика, и остатки кофе текут вниз, на пол.

– Сара!

Малыш ударяется в рев, однако моя ярость только закипает еще сильнее. Я просто отказываюсь верить, что моя жизнь стала такой!

– К черту твою долбаную работу, Джоанна! Мне нужна доктор Лукас! Я хочу стать прежней!

– Моя работа дает на все это деньги, Сара.

Я хохочу, сама слыша, как дико, почти истерично, звучит мой смех. Моя рука сметает тарелку с оладьями со стола.

– В жопу твою работу! – выкрикиваю я, перекрывая рев мальчика. – Я сама разыщу доктора Лукас! Найду как заработать!

– Господи, Сара! – шипит на меня Джоанна, спеша к орущему ребенку.

Я чувствую буквально физическую боль от его рыданий, которые словно сверлом вворачиваются в мой мозг. Закрыв уши руками, я выбираюсь из комнаты. Волна гнева спадает, остается только страшная усталость. Лестница высится передо мной неприступным утесом. Когда я все-таки доползаю до второго этажа, то сама почти плачу. Забравшись в кровать, накрываюсь с головой и жду, пока пройдет бьющаяся в голове, пульсирующая боль. Хоть бы заснуть и больше никогда не проснуться...

Глава 7

Вопросы прекратились только тогда, когда Кэсси – надо отдать ей должное – настояла, что мне необходим осмотр врача. К тому времени боль в гортани при каждом вдохе отдавалась по всему телу, заставляя меня покрываться липким потом. Нур, если и была раздражена новым перерывом, сумела это скрыть.

Мы с Кэсси отправились на машине в медицинский центр. Всю дорогу пальцы девушки так и порхали над телефоном. Вот уж повезло – первый вызов, и приходится опекать ненормальную, которую, по всей видимости, подозревают в зверском убийстве собственной сестры. Я наверняка стала хештегом в ее социальных сетях.

На обратном пути я, похоже, вдруг отключилась в какой-то момент, погрузившись в черноту без сновидений. Вздрогнув, я просыпаюсь и не сразу понимаю, что за непонятная машина с женщиной-полицейским за рулем и почему у меня перебинтована рука. Несколько секунд я витаю в облаках, оторванная от реальности, и все это время моя сестра жива. Потом следует жестокое возвращение с небес на землю, повязки и водитель в униформе обретают смысл, а вот Джоанны больше нет.

– Вы в порядке, Сара? – оборачивается ко мне женщина-полицейский. У нее светлые волосы, усталый взгляд и бросающееся в глаза родимое пятно на правой щеке. Суперкоп Кейси Краун, вспоминаю я. Выпрямившись на сиденье, я поправляю забинтованной рукой грязные, свалявшиеся волосы. Благодаря болеутоляющему, которое дал мне врач, теперь от этого движения меня не бросает в холодный пот.

Я осматриваюсь, пытаюсь понять, что к чему. Мы на парковке возле полицейского участка, над крышами розовеет рассветное небо. «Утро красным полыхает – пастуха предупреждает». Надеюсь, это не дурное предзнаменование... хотя что может быть хуже уже случившегося?

– Сара? – Кэсси осторожно касается моей руки. – Все нормально?

– Да, – противным скрипучим голосом откликаюсь я.

Краун кивает. Она немногословна – качество, которое я научилась ценить в людях. Я почти уверена, что сама в прошлом была той еще болтушкой и вообще любила, чтобы последнее слово оставалось за мной. Теперь хвастать мне особо нечем. Главной стала Джоанна, а я ушла в себя, как осевшее суфле. К тому же слишком обильный поток информации раздражает мой поврежденный мозг. Я сторонюсь говорунов – их трескотня для меня как соль на рану. Мне куда спокойней в кровати, где я слышу только ритмичное биение собственного сердца и неясный гул проезжающих вдали грузовиков. Наш новый врач, доктор Монкс, посчитал такую реакцию на шум – мизофонию – еще одним симптомом социофобии и увеличил мне дозу антидепрессантов, а также поставил в очередь на курс когнитивно-поведенческой психотерапии. Я обещала, что на этот раз пойду.

Джоанна проявила куда меньше терпимости. По ее мнению, моя мизофония слишком избирательна. «Мир не вращается вокруг тебя!» – шипела она, когда я в слезах сбежала со школьного праздника посреди длинной и путаной речи завуча, посвященной переоборудованию столовой. Уладить дело помогла коробка конфет – Джоанна всегда умела справляться с моими выходками. Как я буду без нее? Наверное, и из дома-то выйти не смогу. Посмотрев на здание полиции, я думаю, что тюрьма будет не худшим вариантом. Главное, пусть меня поместят в одиночку. А то еще попаду в камеру с говорливой соседкой...

Краун выходит из машины и открывает мне дверцу. Я выбираюсь наружу, кряхтя как старуха, хватая парацетамол от боли и диазепам от шока. Кивком благодарю женщину, и она кивает в ответ. Да, определенно мой человек.

А вот моя нянька любит поболтать. Мы опять в мятно-зеленой комнате, мне предлагают чай с молоком и шоколадный батончик в качестве завтрака. Есть не хочется, просто прихлебываю из кружки. Мне сказали, что я могу уйти, когда только захочу, но я не знаю, куда идти и что делать. Где сейчас Джоанна? Не могу вынести мысли, что она лежит совсем одна... Может быть, Джеймс уже там, с ней? Он хотя бы знает?

Дверь открывается, входит миниатюрная женщина в безукоризненно сидящем синем брючном костюме. Темные волосы, большие черные глаза, пропорции рослого ребенка... Детектив-сержант Нур, понимаю я. Она обегает взглядом комнату, кивает нам с Кэсси и опять выходит. Я вопрошительно смотрю на свою опекуницу.

– Видимо, мы ждем адвоката, – поясняет та.

Я обдумываю услышанное. Похоже, они всерьез считают, что это сделала я, раз хотят, чтобы здесь непременно присутствовал мой помятый защитник. Что ж, подождем. Я обвожу пальцем выщербленный край столешницы, думая обо всех тех, кто сидел здесь до меня. Атмосфера страдания висит в воздухе, словно ядовитый газ, – я буквально чувствую его кожей. Закрыв глаза, я стараюсь сосредоточиться на дыхании и успокоиться. Паниковать нельзя, сейчас нужно быть собранной и осторожной в ответах. Меня и так подозревают в самом худшем.

Дверь снова открывается, на этот раз впуслав двоих: невысокую женщину – видимо, это опять Нур – и мужчину в темном костюме с синим галстуком, чисто выбритого, распространяющего резкий химический аромат геля для душа и лосьона.

– Итак... – произносит Нур.

Начинается необходимое вступление. Она называет всех присутствующих – мужчина оказывается Карлом Снеллом, адвокатом. Услышав свое имя, он поднимает голову и коротко кивает.

– Хорошо, что вы не спите сидя, в отличие от вашего вчерашнего коллеги, – шучу я.

Кэсси рядом со мной как-то странно дергается, в воздухе повисает тишина.

– Это был я же – после шестнадцати часов работы, – ровным голосом отвечает адвокат. Я бормочу извинения, злясь на себя из-за глупой ошибки.

– Ничего страшного, – говорит он, опуская взгляд к своим записям.

Нур смотрит на меня изучающе, словно лаборант на подопытного кролика.

– Давайте продолжим, – предлагает она, – раз все наконец в сборе.

Снелл хмурит брови – шпилька явно в его адрес.

– Итак, Сара, мы остановились на декабрьском происшествии в вашем доме, когда туда вызвали моих коллег по поводу инцидента с семейным насилием.

– Это было просто недоразумение. Правда.

– Ваша сестра сказала полицейским, что вы на нее напали.

– А потом признала, что в вызове не было необходимости. Она просто разозлилась на меня и решила проучить. Припугнуть немного.

– Из-за чего она прибегла к таким мерам?

Я вздыхаю. Со стороны, конечно, история выглядит неприглядно.

– Со мной, наверное, бывает... тяжело. После аварии я страдаю переменами настроения, у меня случаются депрессии и тревожные состояния. Сейчас мне гораздо лучше, но переносить это все равно нелегко. Я уже никогда не стану прежней... – От жалости к самой себе на глаза наворачиваются слезы. – Очень тяжело принять то, во что превратилась моя жизнь, и порой, наверное, горечь вымещается на близких, любимых людях.

– Вы любили свою сестру?

– Конечно. Только на нее я и могу положиться... то есть могла. – Я снова плачу. – Она единственная, кто заботится... заботился обо мне.

– Однако вы на нее напали. Она заявила тогда, что вы ударили ее и облили горячим чаем.

– Это вышло случайно. Я разозлилась и бросила чашку в стену, а попала в Джоанну.

– А то, что вы ее ударили?

– Я не помню такого.

Это правда – ну, почти. Иногда гнев накатывает на меня белой пульсирующей волной, и я сама себя не контролирую. Я не набрасывалась на сестру с кулаками нарочно, однако в какой-то момент моя рука налетела на ее голову. Я тут же отпрянула в шоке, полная раскаяния от содеянного. И уж Джоанна заставила меня заплатить. Лучше бы она сама меня тогда стукнула в ответ, чем лицезреть ее мученический вид. Только как объяснить все нюансы наших взаимоотношений, чтобы мои слова не прозвучали признанием?

– Я действительно вышла тогда из себя, но не помню, чтобы я ее ударила.

– Вы выпили?

– Возможно, немного. Вообще, мне нельзя, и Джоанна знает об этом.

– Что бывает, когда вы выпьете, Сара?

Не понимаю, к чему она ведет. Сперва – после бокала-другого – все нормально. Потом начинает болеть голова и мучить чувство стыда.

– Я не доктор Джекил и мистер Хайд, если вы на это намекаете. Я не превращаюсь в чудовище.

– Я ни на что не намекаю. Личность многих людей под действием алкоголя меняется не в лучшую сторону – и далеко не все способны это контролировать.

– У меня нет алкогольной зависимости. Джоанна никогда не дала бы мне перебрать со спиртным.

Нур, кивнув, что-то записывает.

– А лекарства, Сара? – спрашивает она, не поднимая глаз от блокнота. – Что вы принимаете?

– Таблетки от перепадов настроения и тревожных состояний.

– По рецепту?

– Да, антидепрессанты мне выписал наш семейный врач. Иногда еще средства от головных болей, их назначила доктор Ханна Лукас, мой психиатр.

Нур записывает и это. По-прежнему не глядя на меня, спрашивает:

– Сара, ваша сестра боялась вас?

– Боялась?! – Я смеюсь. – Скорее, наоборот. Я жила в ее доме, на ее деньги. Она была главной, я должна была ее слушаться.

Мы часто шутили на эту тему. Когда приходил мойщик окон, то всегда спрашивал: «Босс дома?» Все вокруг знали, кто в доме хозяин.

– Вас это задевало? То, что она вас контролирует? Вы ведь взрослая женщина, а вами по-прежнему командует старшая сестра. Думаю, многие бы вам посочувствовали – особенно если иногда она была слишком властной.

Да, в умелом выборе слов Нур не откажешь. Я вижу, куда она метит. «Была слишком властной» – то есть контролировала каждый мой шаг и не давала вздохнуть свободно. Нур хочет растравить в моей памяти мелкие обиды и размолвки, тыкая в них, как в затянувшуюся ранку, заставить выйти из себя и потом использовать это. Я до боли сжимаю вместе ободранные ладони, чтобы собраться.

– Джоанна была прекрасной сестрой. Она всегда заботилась обо мне. Да, иногда мы спорили, но это случается между близкими людьми. Я любила ее и никогда, ни за что не причинила бы ей вреда!

Нур вновь склоняется над папкой. Ее волосы коротко, по моде подстрижены; иссиня-черные, цвета воронова крыла локоны отливают шелковым блеском. Ногти, короткие, но тщательно ухоженные, покрыты бледно-розовым лаком. Она поднимает голову, встречает мой изумленный взгляд и улыбается в ответ. Потом достает из папки фотографию, кладет на стол между нами и разворачивает ее ко мне. Кэсси и Снелл подаются вперед, разглядывая снимок.

Я сижу как сидела, хотя внутри у меня все холодеет, будто кровь разом отхлынула от сердца. Я знаю, что на фото. Надо было давным-давно от этого избавиться, но такое вечно откладываешь на потом и в итоге забываешь. Пока его не сунут тебе прямо под нос в полицейском участке, расспрашивая о твоих вспышках ярости. Хуже не придумаешь.

Снимок показывает засов – на двери в мою спальню. Снаружи.

– Кто установил этот запор? – негромко спрашивает Нур.

Я слатаываю, словно пытаюсь проглотить свой страх.

– Джоанна.

– Для чего она установила его на вашу дверь?

Кэсси и Снелл смотрят на меня во все глаза. Я буквально слышу, как крутятся шестеренки у них в голове.

– Она опасалась, что я могу напасть на нее.

Глава 8

Шестнадцать лет назад

Я всегда считала, что в библиотеке должна быть тишина, а не шум до небес от буйной толпы дошколят, колотящих в бубны. Прячась от какофонии, я опускаюсь на пуфик из кожзаменителя в дальнем углу. Ноги слегка дрожат после непривычно долгой ходьбы. На доске объявлений висят постеры кафе «без собак» и прогулок для людей с деменцией и их опекунов. Или наоборот? Иногда слова у меня путаются, и я попадаю в лингвистический тупик; либо долго, обходными путями подыскиваю нужные. Джоанну это раздражает. Ничего удивительного – сама бесит.

Детишки заводят «Плыви, плыви, моя лодка», безбожно перевирая мотив. Не понимаю, как сестра выдерживает. Она просто помешана на всех этих группах, собраниях и прочем. Чаепития в местном клубе, пока Джеймс возится с деревянным паровозиком и рельсами. «Прыжки и стишки для самых маленьких», где все дружно агукают и хлопают в ладоши. Болтовня с другими мамашами на занятиях «Маленьких тигрят» – кошмарно шумном мероприятии в спортзале с гуляющим эхом, где устроено что-то вроде полосы препятствий, которые Джеймс в основном с ревом обегает.

– Мне нужно куда-то выходить, чтобы общаться с кем-то на равных, – обычно говорит Джоанна.

Я стараюсь не брать близко к сердцу то, что мои способности к этому ставятся таким образом под сомнение.

– ...И для Джеймса полезно – пусть играет с другими детьми.

Слова повисают в воздухе облаком ядовитого газа – подразумевается, что у мальчика нет и уже никогда не будет братьев или сестер. Роберта за все это время Джоанна не упомянула ни разу. Порой я застаю ее с их свадебным фото в руках; заметив меня, она тут же ставит его на место. Разве подобное молчание вообще нормально?

Об аварии она тоже никогда не говорит. В моей памяти зияют пробелы – из нее стерлось не только случившееся, но и несколько предшествующих лет. Месяцы, которые я провела в больнице, тоже. Я помню «Хилвуд-хаус» и доктора Лукас; постепенно у меня восстановилась кратковременная память. Однако период в районе моих двадцати пяти пропал. Правда, если момент самой аварии исчез полностью, оставив непроницаемую тьму, то годы перед ней представляют скорее нечто темно-бурое, вроде смога или залившегося пруда, в котором иногда мелькают какие-то смутные очертания, клочки и тени.

Доктора Лукас это описание очень заинтересовало: она считает, что налицо амнезия сразу двух типов – связанная с травмой, полученной при аварии, и другая, обусловленная подсознательным подавлением неприятных воспоминаний. Впрочем, когда я возвращаюсь к более ранним годам, там только вихрь цветов и радостей жизни, ни намек на какое-то горе или неприятности. Все у меня тогда шло прекрасно, и вообще я наконец-то обрела свободу от матери.

Как я жила в те потерянные годы? Была ли у меня работа? Любовники? Друзья? Когда я пытаюсь вызвать в памяти последнее, что помню, перед мной словно пронесется поток ярких картинок со страниц фотоальбома. Пляж на Бали, загорелые длинные ноги в песке, кричащего цвета бикини, бокал с коктейлем, дешевые серебряные безделушки с местного базара... Другой кадр – я лежу в парящей ванне, втирая в лицо увлажняющий крем, на веках тени с блестками; в дверь нетерпеливо барабанит моя соседка Кити (или Кэз?): «Такси ждет!» Снова я – бегу босиком к автобусу, поддернув юбку, в руках туфли на шпильках, волосы выбиваются из прически. Успеваю едва-едва, пассажиры приветствуют меня одобрительными возгласами, а

водитель подмигивает и не берет денег – хоть какое-то утешение за опоздание в первый же рабочий день.

Словно детектив, я пытаюсь по кусочкам собрать свою прежнюю жизнь, выяснить, кем я была до аварии, вернуться к тому, на чем остановилась. Я работала, только чтобы тусоваться, путешествовать, ради туфель на каблуках и теней с блестками. Меня никто бы не назвал ответственным сотрудником. Я любила выпить, посплетничать, я упускала автобус, зато не упускала случай позубоскалить. Хочется думать, что со мной было весело. Я не ходила тогда по библиотекам и не жила в провинциальном Маркет-Лейтоне. Моей стихией были Лондон, шумные празднества, Бали. И куча друзей. Куда они делись? Джоанна говорит, сперва навещали, со слезами, цветами и плюшевыми мишками, но я так долго лежала в коме, что постепенно все как-то пропали. Из родных осталась только слабоумная мать в своем домике на юге. Джоанна иногда ездит туда, но меня с собой не берет – говорит, та тревожится, когда вокруг много лиц. Да и мне дальние поездки даются еще слишком тяжело.

По словам доктора Лукас, следует быть терпеливее – чтобы оправиться от травмы головы, требуется время – и добрее к себе. Сейчас я не знаю даже, как продвигается мое выздоровление; вот если бы мы по-прежнему жили рядом с «Хилвуд-хаус» и я ходила бы к своему психиатру... Джоанна – специалист по кадрам, она где угодно могла бы найти работу. Не понимаю, почему мы приехали в этот богом забытый городишко, где едва теплится жизнь.

Беру книгу с ближайшей полки. Это руководство по варке домашнего пива, втиснутое между «Пчеловодством для начинающих» и «Миром вязания». Был бы здесь еще самоучитель по возвращению к прежней жизни после серьезной травмы мозга...

– Вот ты где!

Передо мной появляется женщина в ярком до вульгарности кардигане, за которой хвостиком плетется сопливый мальчуган. Похоже, это моя сестра.

– Мы уже все. Выбрала что-нибудь почитать? – Она взглядывает на книгу у меня в руках. – Домашнее пиво? Думаю, не стоит. – И берет с полки другую. – Вот, вязание. Отлично подойдет для развития мелкой моторики.

Джоанна говорит тем громким высоким голосом, каким уговаривает Джеймса сесть на горшочек. Я протягиваю ей книгу, и она радостно улыбается, словно любимое чадо наконец покакало как следует. Вот что делает с людьми материнство... Слава богу, я от этого избавлена.

Я жду у дверей, пока сестра сама выбирает книги. Предполагается, что я приглядываю за Джеймсом, хотя на самом деле уже не различаю его среди других малышей, мельтешащих вокруг книжек с картинками в деревянных ящиках. Женщина с татуировкой на предплечье, поймав мой взгляд, бормочет что-то о детях и каникулах. Наверное, думает, что один из них – мой. Я пожимаю плечами. Она вскидывает брови и смотрит на меня со злобой.

– Овца высокомерная.

Потрясенная внезапной враждебностью, я не нахожусь, что ответить. Оглядываясь по сторонам, подходит Джоанна. Я рассказываю ей о стычке.

– Это же Мередит! Ты видишь ее каждую неделю на тренировках «Тигрят». Ох, Сара...

Похоже, она не на шутку раздосадована. Я давно заметила, что для нее очень важно отношение других родителей. Она буквально из кожи вон лезет, чтобы им понравиться, хотя, казалось бы, какая ей разница? Выше головы не прыгнешь. Наверное, это из-за того, что наше собственное детство было весьма своеобразным, вот Джоанна и старается стать самой лучшей матерью на свете. Я пыталась сказать ей, что на этом конкурсе призов не вручают, но она только странно на меня посмотрела и ответила, что мне не понять.

– А где Джеймс?

Она обегает взглядом детский отдел, где несколько карапузов все еще мусолят книги или хнычут, выпрашивая сладости. Я киваю на деревянный ящик, возле которого должен быть племянник, однако его среди этих детей, что чертовски характерно, не оказывается.

– О господи! – с придыханием произносит Джоанна и начинает метаться, выкрикивая имя сына. К ней присоединяются другие родители и беременная библиотечарша в своих хипповских сабо. Одна из мамаш выскакивает на улицу, озираясь по сторонам, и орет на всю Хай-стрит. Я остаюсь на месте – у семи нянек, как известно...

– Нашла! – слышится голос. Женщина с татуировкой на предплечье. Конечно, кто же еще. – За ксероксом прятался, проказник.

Она ведет Джеймса к Джоанне, которая держится за сердце и смаргивает слезы.

– Похоже, с ним произошла маленькая неприятность, вот он и притулился в уголке, – разносится голос татуированной над сочувственным квохтаньем остальных мамаш.

Джоанна вспыхивает до корней волос. Она потеряла Джеймса из виду, и тот наложил в штанишки прямо в библиотеке – у лучшей матери на свете такого бы никогда не случилось.

Больше всего достается, конечно, мне. Сестра недовольно шипит на меня всю обратную дорогу, закатывая глаза и поджимая губы.

– Он там был единственный в футболке с Бэтменом! Уж это-то ты могла бы запомнить. Мне не успеть везде и всюду, Сара!

Да, да, я знаю.

– Привыкай ориентироваться! Я этот чертов кардиган не просто так ношу, а специально для тебя. А с Джеймсом тебе просто нужно быть повнимательнее.

Да достала уже! Нашла козла отпущения! У меня травма мозга, и та женщина мне нагрубила. Это я должна быть расстроена! И вообще я в вашу библиотеку идти не хотела!

Злость, которую я ощущаю, похожа на живое существо. У нее как будто есть собственная сила, которой я не могу противиться. Есть даже какое-то облегчение в том, чтобы поддаться ей и выпустить гнев наружу. Я пинаю кухонную дверь, пробив в ней дыру, сметаю со стола пару чашек со стаканом и швыряю на пол коробку хлопьев. Выскочив в коридор, я чуть не падаю через стульчик Джеймса и отшвыриваю его ногой. Тот ударяется о батарею, отрывающуюся гулким грохотом. С полочки над ней сыплются ключи, монеты и приготовленные конверты с деньгами на благотворительность.

В гостиной, округлив рот, ревет Джеймс. Бледная Джоанна пытается его успокоить. На щеке у нее ярко алеет царапина с капельками крови. Это что, моих рук дело?! Я замираю, ярость уходит так же мгновенно, как вспыхнула. Из меня словно вдруг вытянули все силы, осталась одна пустая оболочка. Стою в коридоре и только всхлипываю.

Хуже не придумаешь. Хотя нет, были и другие припадки. Я разбила машину об угол гаража, когда Джоанна отказалась отвезти меня обратно в «Хилвуд-хаус». Еще как-то ночью я ворвалась к ней и орала на нее, съездившуюся в своей постели, сама не знаю из-за чего. У меня кровоточат сбитые от ударов в стену костяшки пальцев, горло саднит от рыданий и крика. Не помню даже, что я там несла. Мне надо на прием к доктору Лукас. Мне нужна помощь. Кое-как взобравшись по лестнице, я падаю в кровать и лежу там, хныча от стыда и страха.

Джоанна внизу начинает убираться. Джеймса удается успокоить, включив ему телевизор. До меня доносится звук пылесоса, потом сестра говорит с кем-то по телефону – слишком тихо, слов не разобрать. Звонит, чтобы за мной приехали? Не уверена, что могу ее за это винить. В какой-то момент я проваливаюсь в глубокий сон. Меня преследуют странные образы, растворяющиеся, как корабли в тумане, едва я просыпаюсь. Мочевой пузырь у меня полон, я встаю и ковыляю в туалет, и тут выясняется, что Джоанна в своих хлопотах не ограничилась просто уборкой – она поставила засовы на двери всех спален. С одним различием: на мою снаружи.

Глава 9

В дверь стучат. Вошедший полицейский шепчет что-то Нур на ухо. После обмена репликами та, извинившись, выходит и забирает с собой Снелла. Мы с Кэсси переглядываемся, ничего не понимая. Я уже готовлюсь к худшему. Со стороны дело выглядит, конечно, паршиво: я вся была в крови Джоанны, на ноже отпечатки моих пальцев, и никто, кроме меня, не видел мужчину в маске, изображающей череп. Однако, к моему удивлению, Нур и Снелл возвращаются с известием о том, что я свободна. Очевидно, первоначальный осмотр места преступления и отчет о моих травмах подкрепили версию о том, что произошло нечто большее, чем пьяная ссора двух враждующих сестер.

Однако облегчения я не ощущаю. Наоборот, у меня дрожат руки, а в животе словно завязывается узел. В маленькой комнатке со стенами цвета мятных пастилок я чувствовала себя в безопасности, здесь никто бы до меня не добрался. Теперь же я предоставлена на волю волн, мне не за что уцепиться, а где-то в темных глубинах кружит хищник в черном капюшоне и кожаных перчатках. Что, если он придет за мной снова – как мне тогда защитить себя?

Нур с недовольным видом собирает записи – многие вопросы остались незадавленными, и ее подозрения никуда не улетучились. Она предупреждает меня, чтобы я не уезжала из города. У меня складывается впечатление, что приставленный к дому для моей защиты полицейский в не меньшей степени будет следить за мной.

– Вы разыскали Джеймса? Он уже знает?

– Наш специалист по работе с жертвами отправилась туда, – отвечает Нур. – По словам организаторов марафона, участников можно отследить по радиомаяку, так что мы доберемся до него, как только получим координаты.

Для меня ее слова полная бессмыслица. Нур терпеливо объясняет, что телефон Джеймса через специальное приложение связан с одним из его друзей – мера предосторожности, чтобы положение участника трехдневного маршрута длиной в сто миль можно было определить в любой момент времени. Джеймс так ждал этот благотворительный забег, усиленно тренировался всю зиму... Хороший результат здорово поднял бы его самооценку, невысокую в последнее время из-за неудач с работой.

Я напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить, о каком друге может идти речь. Джеймс снимает небольшой дом в Шрусбери вместе с пестрой компанией беззаботной молодежи, которая меняет одну работу за другой. Я помню только смутные упоминания о каких-то фестивалях, походах в кино, стычках с домовладельцем... Одну из девушек зовут Синева, такое не забудешь. Может, хоть она будет рядом с Джеймсом, чтобы утешить. Меня ужасает сама мысль о том, что предстоит пережить мальчику. Как говорить с ним при встрече? Захочет ли он вернуться домой и жить здесь? Мы с ним не особенно близки, но теперь он единственный, кто у меня остался.

– А Джоанна? – У меня садится голос, понижаясь до шепота. – Где она? Могу я ее видеть?

– Тело вашей сестры пока будет находиться в морге. До вскрытия нужно провести формальное опознание, но это можно сделать и через видеосвязь.

– Я хочу ее увидеть.

С матерью я тогда так и не попрощалась. У меня как раз начались панические атаки, и Джоанна сказала, что она – та, какой мы ее знали, – фактически умерла много лет назад. Однако с сестрой я проститься должна. Мы многого не сказали друг другу, пока у нас была такая возможность. Если бы я знала, я бы каждый день говорила ей, как люблю ее и как благодарна за то, что она для меня делает.

– Думаю, вам стоит сейчас отдохнуть, Сара. – Нур встает. – Вы наверняка измотаны.

Вот так. Меня просто-напросто выпроваживают. И все же я не поднимаюсь с места. Я так устала, что все мои силы уходят на то, чтобы держаться на стуле прямо. Встать и начать строить новую жизнь, без Джоанны, я просто не в состоянии. Я остаюсь сидеть, только две жалкие слезинки скатываются по моим щекам.

– Мне нужно ее увидеть.

– Всему свое время, Сара. Вы должны понимать, что обстоятельства ее смерти предполагают более длительную процедуру, чем обычно.

«Обстоятельства ее смерти...» Под обтекаемой формулировкой скрывается жестокость убийцы, розовый нож для мяса, непринужденно лежащий в руке, короткий всхлип Джоанны и теплая кровь, толчками вытекающая сквозь мои пальцы...

– Вы в порядке, Сара?

Кэсси, заметив мое состояние, мягко кладет руку мне на плечо. Я совсем отвыкла от такого. Джоанна всегда была резкой и деловитой. Конечно, она заботилась обо мне, но ее никак нельзя было назвать нежной или чуткой. Наверное, это у нее от матери.

Моя нянька помогает мне встать, поддерживая под локоть.

– Давайте, Сара. Надо выбираться отсюда.

Словно листок, подхваченный течением, меня помимо моей воли несет из кабинета в кабинет. Мне дают какие-то бумаги, брошюры, разъясняют инструкции, которые мой обессиленный мозг все равно не в состоянии усвоить... Возвращают сумочку, и до меня начинает постепенно доходить, что просто вернуться домой я не могу – это место преступления. Одна из брошюр содержит информацию о профессиональной уборке помещения после того, как криминалисты закончат работу. Не знаю, почему это меня так задевает, но от мысли о том, что кто-то посторонний придет к нам и будет оттирать кровь Джоанны с пола, у меня слезы начинают течь ручьем. Это кажется новым насилием над ней, осквернением ее памяти. Я сама должна была бы собрать осколки и замывать бурые пятна на кухне, которой сестра так гордилась, а не перепоручать непонятно кому за минимальную временную оплату.

Кэсси обнимает меня, и я буквально падаю в ее объятия, вдыхая запах кокоса и жевательной резинки. Перья на сережках щекочут мне щеки. Я рыдаю, пока футболка девушки не становится мокрой от моих слез. Встретиться мы еще раз – и я даже не узнаю ее. Без кардиганового кода Джоанны меня теперь окружают одни незнакомцы.

Кэсси находит для меня пристанище. Немного пассов над телефоном, и вот я уже заселена в отель «Премьер-Инн» (рейтинг 4 на «Трип Эдвайзер»). Такси ждет, чтобы отвезти меня туда. Ее доброта меня трогает – это совсем не входит в обязанности «ответственного представителя». Для оплаты есть кредитка, которую Джоанна оставляла мне на крайний случай. Я даже не знаю, какой там лимит расходов – никогда прежде не приходилось пользоваться.

Номер в самом конце мрачного коридора, но чистый и удобный, с большой кроватью и тюлевыми занавесками. Окна выходят на парковку и канал за ней. Не люблю каналы. Там, где мы росли, тоже был один; мать всегда говорила, что рядом с ним ошиваются всякие отбросы, и чтобы мы не смели подходить к нему после наступления темноты. Даже сейчас, при свете солнца, от поблескивающей темной воды мне как-то не по себе. Задернув шторы, я буквально валюсь на кровать, одеревеневшая от усталости. Если просто лежать вот так, не вставая с постели, скоро ли я умру? И заметит ли мою смерть хоть кто-нибудь теперь, когда Джоанны нет? Единственный, кто у меня остался, это Джеймс, но он молод, у него впереди вся жизнь. Ему ни к чему обуза в виде старой безумной тетушки.

Отражение в зеркале заставляет меня вздрогнуть – бледное, измученное лицо, фиолетовые синяки вокруг шеи. Кто мог совершить такое? Я все верчу в уме слова Джоанны: «Он как здесь оказался?», пытаюсь соотнести раздраженно-усталый тон с кем-то из наших – или, правильнее сказать, ее – знакомых. Однако немалая часть ее жизни проходила вне дома, и о целой

куче потенциальных кандидатов я вообще не имела ни малейшего понятия. Может быть, тот, с работы, которого она терпеть не могла?

Я вдруг припоминаю странный разговор, который состоялся у нас недавно. Сестра спросила, что бы я сделала, если бы узнала о чем-то проступке. Сообщила бы об этом как положено или дала шанс все исправить?

– Смотри, что именно человек совершил, – ответила я тогда. – Какие-то вещи можно исправить, какие-то нет. Ну и надо все тщательно проверить.

– Да-а, – задумчиво протянула она, взвешивая мои слова, – нельзя сломать кому-то жизнь, полагаясь только на слухи.

Потом она тряхнула головой:

– А, забудь. Это я так, гипотетически.

Разговор и правда затерялся где-то в глубинах моей памяти, а сейчас всплыл на поверхность, сверкая будто солнечные блики на воде и звеня от значимости. Получается, Джоанна узнала что-то о ком-то, а этот кто-то в ответ решил заставить ее замолчать наверняка? Вздрогнув, я еще раз проверяю, заперта ли дверь спальни. «Здесь ты в безопасности, – успокаиваю я сама себя, – никому до тебя не добраться». Однако я считала, что дома мне тоже ничего не грозит, и вот чем это закончилось.

Глава 10

Джоанна преследует меня повсюду. Я так долго жила с ней и настолько полагалась на нее во всем, что любой, самый мельчайший аспект повседневности напоминает мне о ней. Стоя в темной комнате, я запиваю песочное печенье (бесплатное угощение от отеля) чаем с четырьмя кубиками сахара на чашку и буквально слышу ворчливые предостережения сестры о диабете и холестерине. На полу валяется мокрое полотенце, кровать не застелена, в завтрак я приняла лишнюю таблетку диазепама... Джоанна сказала бы, что я «совсем себя распустила». Она не терпела, когда люди пасуют в кризисной ситуации. Сама она, рано овдовев, осталась с ребенком на руках, тяжелобольной сестрой и страдающей деменцией матерью и как-то справилась. Просто не оставалось другого выбора. И все же я, лучше, чем кто-либо другой, знала, что Джоанна далеко не так сильна, какой хочет казаться. Мне были известны ее слабости, ее уязвимые места. От собственной сестры не спрячешься. Наверное, поэтому именно я могла достать ее по-настоящему – я знала истинную Джоанну, а не ту, какой она предстала в соцсетях.

Внезапно раздается трель гостиничного телефона. Меня затопляет паника, сердце колотится как бешеное. Кто может сюда звонить?! Никто ведь не знает, что я здесь!.. Через некоторое время телефон замолкает, но спустя несколько секунд начинает трезвонить снова. Дрожащей рукой я беру трубку. На заднем плане слышатся звуки – гул автомобильного мотора, щелчки поворотников...

– Тетя Сара?

– Джеймс!

Я едва могу разобрать его слова. Связь плохая или он плачет? Сама я реву – оттого что он теперь тоже знает, произошедшее каким-то образом стало более реальным. Его голос то и дело прерывается, я улавливаю только «опознать тело». Вклинивается кто-то еще – видимо, та самая сотрудница полиции – со словами о том, что Джеймсу нужно время, чтобы оправиться от горя, и необходима поддержка в этой тяжелой ситуации. Тут связь окончательно пропадает. Я продолжаю стоять с телефоном в дрожащих руках. Может быть, еще перезвонят? Чего хотел Джеймс – чтобы я сама опознала тело? Каким образом?! Я не представляю даже, как мне туда добраться в одиночку. От одной мысли у меня начинают буквально вскипать мозги и бешено колотиться сердце. Я никогда не отправлялась куда-то далеко без Джоанны. Не знаю, с чего и начать. Вызвать такси? А как это сделать? У меня перехватывает дыхание, я хватаю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Без сестры я ни на что не способна!

Как я могу поддержать Джеймса, если не в состоянии позаботиться о себе самой? Нашей опорой всегда была Джоанна. Только благодаря ей мы оставались на плаву. Без нее, совершенно очевидно, мы оба идем ко дну. Для меня простой поход в магазин может обернуться панической атакой. Джеймс, начав жить отдельно, едва в состоянии удержаться хоть на какой-нибудь работе; он совершенно не приспособлен к жизни. Здесь мы мальчика упустили. Ему по силам поймать какую-нибудь редкую бабочку, определить птицу по голосу, пройти за день тридцать миль, но вряд ли известно, кто сейчас премьер-министр, или как получить лицензию на прием ТВ-программ.

Только мне ли судить? За меня тоже все делала Джоанна, мой посредник в сношениях с внешним миром, буфер между мной и ним. Без нее я чувствую себя, как краб без панциря – голой и уязвимой. Это, конечно, смешотворно – как-никак мне сорок шесть, и я живу в богатой стране с отлаженной социальной системой, – и тем не менее я ощущаю себя младенцем, брошенным умирать на горном склоне.

Я вновь начинаю рыдать, но уже не по Джоанне – по себе.

Нервы на пределе. Вся на взводе, я сижу на кровати, теребя покрывало и не спуская глаз со входа в номер. Каждый звук – хлопнувшая вдали дверь, вскрик ребенка, шум тележки горничной – вонзается в меня словно нож. Я подперла ручку стулом, хотя вряд ли это защитит меня от того, кто на нас напал.

Чтобы отвлечься, я начинаю ходить по комнате – девять шагов от двери до окна, четыре от стола до кровати. Измерения моей новой жизни. Прочитываю от корки до корки буклет отеля – кто знает, сколько придется здесь пробыть. По требованию мне могут предоставить дополнительные подушки и туалетные принадлежности. В номер разрешено приносить еду из ресторана. Ели бы я еще могла заставить себя туда выбраться... Мне невыносима сама мысль о том, чтобы выйти за дверь. Я не чувствую себя здесь в безопасности, но снаружи и вовсе ждет неизвестность. Знает ли персонал, почему я здесь? Начнутся взгляды, вопросы, в меня будут тыкать пальцами...

Где-то в коридоре хлопает дверь, слышатся приближающиеся шаги и голоса. Я замираю в ужасе – сюда?! Один голос – женский – произносит что-то неразборчивое, мужской отзывается громким смехом, так близко, как будто прямо здесь, у меня в номере. Они проходят мимо. Теперь, не давая расслабиться, грохочет тележка горничной. Меня страшит мысль, что она может войти сюда, что я встречу чужой оценивающий взгляд, но я не могу заставить себя высунуться наружу и повесить табличку «Не беспокоить». Вместо этого я торчу под дверью, выглядывая через линзу глазка. В коридоре никого, однако странная, искаженная перспектива вносит нечто угрожающее. Кажется, едва я приоткрою створку, как тут же кто-нибудь появится – постоялец, горничная, убийца...

Я включаю телевизор, прыгая с канала на канал, словно блуждающий по разным измерениям призраков, выхватывая осколки жизней других людей, которые помогают раненым животным, реставрируют старые дома или готовят изысканные блюда на затянутой паром кухне. Внезапно я натываюсь на местные дневные новости – на экране наш дом, с полицией у входа; перед калиткой – охапка цветов и свечи.

Мгновение спустя я стою перед телевизором на коленях, прижав ладони к лицу, с бешено колотящимся в груди сердцем. Какая-то женщина говорит о своей реакции на известие о случившемся.

– Просто не знаю, как сказать детям. Никогда не думаешь, что такое может произойти совсем рядом.

Корреспондент обращается к другой, которая представляется другом семьи.

– Такая приятная леди, всегда хорошо одета... Но вот ее домашних редко было видно, они ни с кем не общались. Сестра вообще затворница. Парнишка вырос и уехал, в доме остались только две женщины. Наверное, в них увидели легкую добычу...

Она все говорит и говорит. Чего на нее тратят столько эфирного времени?! «Сестра вообще затворница...» Кто дал ей право так обо мне отзываться?! Не думаю, что она на самом деле хорошо знает нашу семью – в лучшем случае, это какая-нибудь подруга Джоанны. Еще рассуждает о причинах... Пиявка, присосавшаяся к трагедии!

Новости переходят к следующему сюжету, следующей человеческой драме – что-то об ошибочном онкологическом диагнозе. Скоро и наша история потеряет новизну, уйдет в прошлое. Люди сперва еще будут вспоминать: «Спелдхерст-роуд... не там ли кого-то убили?», а потом забудут окончательно. Все мы однажды исчезнем без следа, как пятнышко от дыхания на холодном стекле...

Глава 11

То плача, то глотая успокоительное, я наконец кое-как засыпаю, погружаясь в странные видения и выныривая из них. В глубинах моего сознания вспыхивают и угасают следы воспоминаний, словно огонек спички в темноте. Я танцую босиком в пустом доме, украдкой улыбаясь отражению какого-то мужчины в зеркале... По загородной дороге несется машина, из открытых окон вырывается громкий смех и несется по ветру невесомым ярким шарфом. Звук искажается, переходя в детский плач. Вдруг кто-то говорит мне прямо в ухо, так что я чувствую на шее теплое дыхание: «Ибо возмездие за грех – смерть»¹. Это голос Джоанны, она здесь, в комнате!

Мгновенно проснувшись, я вскакиваю в кровати. Вокруг темнота и тишина, рядом никого нет, хотя голос все еще звучит у меня в голове. Я пытаюсь удержать его, испить до капли ощущение присутствия Джоанны, но он ускользает, превращаясь в далекое эхо, растаивая рябью на воде. Я не верю в жизнь после смерти – вся моя вера давно улетучилась, вышла словно воздух из спущенного шарика. Просто мое подсознание пытается так справиться с травмой; однако иллюзия того, что Джоанна, пусть на миг, была рядом, действует на меня утешающе.

«Ибо возмездие за грех – смерть». Из нас двоих «плохой девочкой» всегда была именно я. Я нарушала запреты матери, навлекая наказание на нас обеих. При первой возможности я сбежала, оплатив месячную аренду части дома в Лондоне деньгами, оставленными мне бабушкой. Я меняла одну временную работу за другой – лишь бы хватало на вечеринки, путешествия и тусовки. Я была молода и изо всех сил старалась наверстать упущенное.

Даже сейчас я улыбаюсь, вспоминая о тех годах. Отличное было время, пусть по большей части оно и скрыто в пьяном тумане. Да и почему я должна чувствовать себя виноватой? Только потому, что Джоанна решила жить с матерью и стелиться перед ней? Я пытаюсь представить, как они тогда остались вдвоем. Деменция уже давала свои ростки, религиозная мания матери становилась все сильнее... Я видела это, приезжая домой на Рождество или в безденежные периоды, потеряв очередную работу. Потом Джоанна тоже уехала. Нашла хорошее место, купила неплохую квартиру, встретила Роберта, вышла замуж, родила...

Все это я помню смутно; даже день свадьбы сестры словно в тумане. Или я и тогда напилась? Мать сидела в церкви, похожая в своем строгом синем костюме на кассиршу банка. «Красота проходит, Сара, а порченный товар никому не нужен». Напутствие в самый раз для свадьбы, матушка.

Джоанна была в длинном белом платье с вырезом сердечком. Она вся светилась, сияя ямочками на щеках. Роба я помню слабо. Он был пилотом и подолгу отсутствовал. Настоящий красавец – твердых девять баллов по сравнению с ее семьей – и всегда это знал. Я поддразнивала сестру: вот он летает один во всякие экзотические страны, а стюардессы там в дальних рейсах наверняка ему на шею вешаются. Наверное, не очень красиво с моей стороны, если подумать, но она всегда только смеялась и говорила, что пусть – лишь бы ей бонусные мили шли. Остальное теряется в каком-то мутном мареве. В нем проскальзывают обрывки разговоров, места, люди... ничего вразумительного разобрать нельзя. Если доктор Лукас права и я почему-то подавляю эти воспоминания, то у меня получается что надо. Наверное, я так и продолжала, как в ранней юности, скакать с работы на работу, выпивать, путешествовать, пока в какой-то момент не оказалась почему-то в машине с Робом и малышом Джеймсом и мой мир не изменился навсегда.

---

¹ Новый Завет. Послание к Римлянам, 6:23. (Здесь и далее прим. перев.)

Поплакав, я снова засыпаю. Будит меня звук хлопнувшей двери и запах бекона. В животе урчит от голода. Неудивительно – уже больше девяти. За последние сорок восемь часов от меня остались кожа да кости. Будь я моложе, такая потеря веса меня порадовала бы, но сейчас, в возрасте за сорок пять, это придает мне изнуренный вид и только.

Сколько я здесь еще пробуду? И как мне добираться отсюда домой? Домой... Вновь накатывает паника, сердце колотится так, что, кажется, сейчас разорвется. Умру, и никто даже не узнает. Была бы здесь Джоанна, она отвлекла бы меня разговорами и сунула лишнюю таблетку диазепамы. Увы, теперь я совсем одна, запертая в номере, как в ловушке, и пульс под пальцами все никак не успокаивается.

Стук в дверь возвращает меня к реальности.

– Тетя Сара, ты здесь?

Джеймс! Мы не из тех, кто обнимается при встрече, но сейчас я неуклюже прижимаю его к себе, и мы сталкиваемся локтями и плечами.

– Мне сказали, что ты тут, – говорит он, освобождаясь, и показывает такую же ключ-карту, как у меня. – Я рядом, в двести двадцать третьем. Попросил записать на твой счет – ты ведь не против?

Ну конечно! Впервые после случившегося я чувствую, что могу дышать свободно – глубокий вдох и прерывистый, с облегчением выдох. Джеймс в каких-то четырех дверях от меня, на другой стороне коридора – ближе, чем когда-либо за последний год, но все равно слишком далеко для нашего полного ужасов мира. Я хотела бы лечь на дно, задраить люки и не отпускать племянника от себя ни на шаг. Может быть, попросить, чтобы нам дали соседние номера, или это будет выглядеть странно? Я напоминаю себе, что он уже взрослый и ему нужно свое пространство. Если я буду чересчур много требовать, то лишь отпугну Джеймса.

– Можно? – спрашивает он тем временем, кивая поверх моего плеча.

– Да, да, входи.

Я втаскиваю его внутрь. Он заполняет собой всю комнату – своим ростом, молодостью, переливающейся через край болью... Скулы у него заострились, под глазами фиолетовые круги. В этом есть какая-то странная интимность – оказаться вдвоем здесь, на фоне моей неубранной постели с крошками от печенья. Возле чайника использованные пакетики с заваркой, на полу валяются мокрые полотенца... Джоанна пришла бы в ужас, однако Джеймс ничего не замечает. Шаркая ногами, он подходит к окну и смотрит сквозь тюлевые занавески на парковку внизу. Тонкие плечи сгорблены, и мне хочется подойти сзади, обнять, утешить мальчика в его горе – материнская ласка, которой я сама отчаянно жажду. Но разве смогу я заменить Джоанну? Я не умею всего этого, не знаю, что сказать. Как мне объяснить случившееся?

– Твоя мама... – Я запинаясь, не находя нужных слов.

Он оборачивается с перекошенным от горя лицом, падает на стул и обхватывает голову руками.

– Я уже опознал... тело. По видеосвязи – так я не смог.

Джеймс запускает пальцы в свои темные волосы.

– Жалкий трус. Я подвел ее. Кто-то должен был быть там, с ней.

Я облегченно выдыхаю – по крайней мере, теперь мне самой не придется покидать номер ради этого важного дела. Присев на краешек кровати, я беру племянника за руку. Пальцы у него длинные, тонкие и сильные, как у пианиста.

– Джеймс, ты ее еще обязательно увидишь. И она бы все поняла, ты ведь знаешь.

Подняв глаза, он через силу улыбается.

– Все равно это как-то неправильно. Лучше бы я сделал это лично, понимаешь?

Он мягко высвобождает руки и, словно не хочет, чтобы я к ним снова прикасалась, засовывает в карманы. Что ему наплели в полиции? Он думает, что я могла напасть на Джоанну?

– А ты как, тетя Сара? Мне сказали, ты тоже пострадала. У тебя на шее...

Я инстинктивно прикрываю горло ладонью. Если в полиции так говорят, значит, мне верят?

– Я в порядке. Только синяки и ссадины. Все остальное у меня в голове. Просто в мыслях не укладывается – твою маму все любили. Кто мог это сделать?

Джеймс громко шмыгает носом и снова запускает руки в волосы.

– Полиция считает, кто-то из знакомых.

– Да, она узнала его, когда он шел к двери.

– Тетя Сара, она опять с кем-то встречалась? Я предупреждал ее об интернет-знакомствах – в реальности люди оказываются совсем не теми, за кого себя выдают.

– Да нет, после того донжуана на пенсии – ни с кем, насколько я знаю.

Джеймс озадаченно морщит лоб.

– Какого донжуана?

– Да так, никакого. Один ушлый старикан, который оказался на пятнадцать лет старше, чем указано у него в профиле, и встречался с разными женщинами в трех разных странах. Не волнуйся, она его быстро раскусила. Мы тогда еще здорово над ним посмеялись.

Да, посмеялись – потом. На самом деле там был не один месяц флирта в электронной переписке и походов в дорогие рестораны. Джоанна долго ничего не подозревала, а когда узнала о настоящем возрасте и истинных намерениях своего ухажера, это стало для нее жестоким ударом.

Джеймс вне себя.

– Как его звали? Ты рассказала о нем полиции? Никогда не знаешь, что у таких типов на уме! Они только и выискивают беззащитных. У мамы были кое-какие сбережения – это всегда привлекает разных негодяев.

– Да, она слишком доверяла людям, – соглашаюсь я. – Думала, что все такие же, как она, – честные и добрые. А мало ли подонков...

– Им определенно должна заинтересоваться полиция. Может, был еще кто-нибудь?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Она правда с этим покончила. Я думала, может, кто-то с работы... Она говорила, что выяснила кое-что об одном человеке.

Джеймс вскидывается:

– Что? О ком?

– Понятия не имею. Она не вдавалась в подробности. Сказала только, что не знает, как поступить. Вообще-то уже прошло порядочно времени, так что, возможно, все разрешилось. Был один из начальства, которого она не терпела, Алекс как-то там, но я не уверена, что речь шла о нем.

Надо было слушать внимательнее, когда Джоанна говорила о работе, однако она называла столько разных имен, столько незнакомых мне людей, с которыми я вряд ли когда-нибудь познакомилась бы, что я просто отключалась. Да и что мне за дело до чьей-то заболевшей кошки или новой кофемашины? Сейчас я бы все отдала, чтобы вновь услышать болтовню сестры о коллегах...

– А тебе она ничего не говорила?

Джеймс качает головой с отрешенным видом:

– Я никогда толком не вникал, когда она начинала рассказывать о работе.

Он тяжело вздыхает. Мы оба виноваты – следовало слушать ее, пока была такая возможность. Я пытаюсь приободрить племянника:

– Если это как-то связано с работой, полиция обязательно его найдет.

Джоанна непременно отметила бы где-нибудь то, что узнала. Она всегда очень шепотливо относилась к своим рабочим обязанностям. Не могу представить другой причины, из-за чего кто-то решил бы причинить ей вред. Сестра была воплощением порядочности.

Джеймс стискивает кулаки и опять сует руки в карманы. Усталый и исхудавший, наверняка давно ничего не ел. Надо бы нам вместе пойти перекусить...

Из коридора доносится шум, и я замираю, насторожившись. Прижав пальцы к губам, я прислушиваюсь к тому, что происходит снаружи.

Джеймс озадаченно смотрит на меня.

– Все в порядке, тетя Сара, это просто уборка в номерах.

Кажется, ему невдомек, как мало он меня успокоил – мне невыносима мысль о том, что сюда кто-то войдет. Нет, все-таки понимает: с тяжелым вздохом он поднимается со стула и идет к двери.

– Если не хочешь, чтобы они заходили, надо просто повесить снаружи табличку «Не беспокоить». – Джеймс проделывает это одним ловким движением и потом снова запирает дверь. – Та-дам!

Он улыбается, и я вижу перед собой лицо Джоанны – у ее сына такие же ямочки на щеках. В горле встает комок, и я едва сдерживаю слезы. Заметив это, Джеймс возвращается на место и берет со столика пульт.

– Давай-ка выпьем чаю и посмотрим телевизор, тетя Сара. Я знаю, ты его не любишь, но мне нужно как-то отключить голову, понимаешь? Не думать ни о чем. И мама хотела бы, чтобы мы посидели вот так, вместе, да?

Я киваю, улыбаясь сквозь слезы. Ох, Джоанна, как бы ты гордилась сейчас своим мальчиком! Мы устраиваемся рядышком на кровати и прилебываем чай под какое-то кулинарное шоу. В какой-то момент я засыпаю – сидя, в одежде. Когда я открываю глаза, телевизор еще работает, но звук выключен, а там, где сидел Джеймс, осталась только вмятина на кровати, еще теплая.

Глава 12

15 лет назад

Где-то вдалеке рокочет гром. Я жду, когда он стихнет, однако раскаты не прекращаются. Я вдруг понимаю, что шум на самом деле где-то совсем рядом. Выбравшись из кровати, бреду в комнату Джоанны и выглядываю на улицу. Перед домом № 24 опять стоит грузовик, уже третий сегодня. Здоровяк в вытертой футболке, с пятнами пота под мышками, вытаскивает из кузова старое кожаное кресло. Почему они не глушат мотор, когда машина стоит? К чему зря воздух загрязнять? Хорошо, что Джоанны нет дома – ее такие вещи просто бесят.

Погрузив кресло на тележку, мужчина везет его к двери. Заметив меня в окне, приветливо машет рукой и что-то говорит; через двойное стекло не слышно. Встревоженная, я подаюсь назад. Кто он – новый сосед? Джоанна все это время с интересом следила за его переездом, комментируя: около пятидесяти лет; никаких признаков жены или детей; похоже, занимается машинами. Сестра рассчитывает на романтические перспективы, хотя мужчина, на мой взгляд, совершенно не ее типа. Даже отсюда, сверху, я хорошо вижу его реденеющие волосы – а когда он нагибается, его тыльная часть головы открывается куда сильнее, чем хотелось бы.

Однако Джоанна отчаянно жаждет кого-то найти. Ей только тридцать четыре – еще есть шанс поймать мужчину, начать все сначала; может быть, даже снова родить. Она боится остаться одна. Имя Роба нечасто всплывает в разговорах – видимо, с трауром покончено, пора двигаться дальше, пока есть такая возможность. Как-то сестра выбралась в бар с компанией родительниц, которых обычно встречает у школы, когда привозит и забирает Джеймса. Вернулась раскрасневшаяся и довольная, со слегка стеклянными от выпитого глазами, и, смеясь, рассказывала о единственном красавце-мужчине среди этого мамского коллектива, который занимается ребенком, пока жена руководит бизнес-империей в области недвижимости.

– Полюбуйся на меня – веселая вдова! – переступая на цыпочках, чтобы не разбудить сына, проговорила Джоанна.

Мне было завидно – ну еще бы. Раньше я сама любила такие походы, отрывалась по полной, просыпаясь на следующее утро с раскальвающейся головой и выслушивая жуткие рассказы о своих похождениях от девчонок. Может быть, все еще наладится и я когда-нибудь к этому вернусь? Я имею в виду не выпивку – алкоголь при нейрологических проблемах, в общем-то, противопоказан, – а друзей, веселую болтовню, радость новой влюбленности. Я ведь молода, лучшие годы еще впереди, и не урод. Однако, боюсь, личное счастье уже никогда ко мне не постучится. Наверное, на этом надо поставить крест.

Раздается стук в дверь. Выйдя к лестнице на цыпочках, я вижу за стеклом очертания чьей-то фигуры. Вот черт! Терпеть не могу непрошенных гостей, однако после того, как одна важная посылка ушла обратно, Джоанна строго-настрого велела обязательно открывать дверь. Приходится выполнять.

На пороге стоит, дружелюбно скалясь, мужчина средних лет в пропитанной потом футболке, спустившихся джинсах и грубых рабочих ботинках. На голове у него какой-то кошмар – впереди длинные, даже чересчур, кудри, а лысеющую макушку прикрывает неумелый зачес. Видимо, это и есть наш новый сосед, которого я видела из окна второго этажа.

– Привет! – Он широко улыбается, протягивая огромную лапищу. – Я Алан, из двадцать четвертого.

Я осторожно пожимаю мозолистую, с пластырем на одном из ногтей руку и тоже называю свое имя.

– Рад знакомству, соседка. Неплохой тут райончик, да? Не беспокойтесь, со мной он хуже не станет!.. Да, отличная улица, участки большие – для меня это важно. Сейчас уже так не строят.

Повисает неловкое молчание. Похоже, он ждет, что я подхвачу разговор, но я совсем отвыкла от светской болтовни.

– А вы откуда переехали?

– С севера, из Ланкашира. Тут у вас, в Шропшире, поцивилизованней будет, а? Я смотрю, тут все такие из себя, верно?

Не знаю, что и ответить. Никогда не считала Шропшир особо цивилизованным местом, но это я, видимо, не была в Ланкашире.

– Что вас сюда привело? – спрашиваю я, довольная собой – кажется, я все же не разучилась разговаривать с людьми. – У вас здесь семья, родные?

Его лицо омрачается.

– Нет, – после некоторого колебания отвечает сосед, – у меня никого нет. С этим мне не повезло.

– Значит, работа?

Он хмурится еще больше. Приходится мысленно одернуть себя – я слишком любопытствую. Еще решит, что я из любителей совать нос в чужие дела. Вот будет ирония...

– Я, в общем-то, наполовину на пенсии, так сказать, – неловко отвечает он наконец. – Мне просто понравился городок – здесь так славно...

Тут я окончательно захожу в тупик. Маркет-Лейтон можно охарактеризовать по-разному, но уж точно не как приятное местечко, куда можно переехать просто так. Мы здесь только потому, что так вот подвезло с работой Джоанне, которая затащила нас сюда, на север, а теперь, как она любит говорить, нам уже не по средствам вернуться обратно. Так она отменяет любой намек с моей стороны, что стоило бы вновь переехать поближе к «Хилвуд-хаус». Я все еще уверена, что под наблюдением доктора Лукас дела у меня пошли бы на лад гораздо быстрее.

– Значит, вы тут только вдвоем с сестрой живете? – спрашивает Алан. – Не бойтесь, я человек безобидный. Никаких трупов на заднем дворе, ничего такого, – с маниакальным смехом добавляет он.

Что тут скажешь?

– Джоанна скоро вернется...

– Точно, Джоанна! – обрадованно восклицает он. – Я столкнулся с ней вчера вечером, а имя потом вылетело из головы, стыдно признаться. Вы только ей не говорите, ладно? Такая элегантная – сразу видно деловую женщину.

– Она работает в отделе кадров крупной юридической компании.

– И красивая, и умная, значит. А вы – Сара, да? – где работаете?

Рассказывать ему свою историю я не собираюсь, поэтому отделяюсь стандартным:

– Я решила сделать перерыв в карьере.

Я как-то услышала эту фразу от одного из отцов на детском празднике и взяла на вооружение. У Джоанны она неизменно вызывает смех: «В карьере? Они там вообще заметили твое отсутствие?» Ну да, очень смешно. Не всем же вращаться в высших корпоративных кругах.

Алан, однако, принимает мое объяснение без дальнейших расспросов. Возможно, его «наполовину на пенсии» значит примерно то же самое. Кажется, нам обоим есть что скрывать.

– Не хотите зайти? – кашлянув, предлагаю я. – Может быть, чаю или еще чего-нибудь?

Он широко улыбается:

– Спасибо, Сара, не сегодня. Еще полно дел. В доме бардак, ничего не распаковано. И откуда у меня столько вещей? Тут нужна женская рука.

Значит, действительно холостяк. Надо будет сказать Джоанне, мысленно помечаю я себе.

– Я видел у вас качели, – замечает Алан. – В доме есть малыш?

– Да, Джеймс, мой племянник, сын Джоанны.

Надеюсь, это его не отпугнет. Может, не надо было говорить? Сестра взбесится, если я все испорчу еще до того, как новый сосед переедет сюда по-настоящему. Однако Алан улыбается еще шире.

– Люблю детишек! Нет ничего лучше, чем слышать, как они играют снаружи. Без их голосов и лето не в лето. У вас есть домик на дереве? Я вам сделаю – тут я спец.

Он продолжает болтать, теперь уже что-то про водяные счетчики. Через несколько минут Алан опускается на колени посреди подъездной дорожки и снимает металлическую крышку, которую я даже не замечала. Запускает внутрь руки и вытаскивает их мокрыми по локоть.

– Я так и думал, – чуть ли не с удовольствием заявляет он. – Это и по моему счетчику было понятно – утечка. Я схожу в водопроводную компанию, но вам тоже надо бы проверить свои счета. Вы, наверное, годами переплачивали.

– Правда? Ладно, спасибо.

Обязательно сообщу Джоанне, всем этим она занимается. Я вообще была не в курсе, что у нас есть счетчик. Поэтому она ворчит, когда я долго не вылезаю из ванной?

Поднявшись на ноги, Алан вытирает ладони о грязные джинсы, оглядывает себя и со смехом качает головой.

– Ну и видок у меня. Вы, наверное, думаете, что за пугало к вам переехало! Честное слово, обычно я так не хожу. В следующий раз вы меня не узнаете!

Я невольно вздрагиваю. Хотя он, конечно, не в курсе моего состояния, для меня это прозвучало на грани фола. Я, однако, уже заранее примериваюсь, что записать о новом знакомом в свою книгу – высокий, кошмарная прическа и едва различимая северная монотонность речи, приобретенная в Ланкашире.

Алан не умолкает, и моя улыбка становится все более натянутой и отсутствующей. Он наконец замечает, что я его почти не слушаю, и резко обрывает себя, хлопнув в ладоши, словно подав сигнал к окончанию разговора. Может, мне тоже так делать, когда кто-то надоест?

– Ну, рад был познакомиться, Сара. Передавайте мои наилучшие пожелания вашей чудесной сестре Джоанне! – Он стучит грязным, перевязанным пальцем себе по лбу. – Видите – запомнил имя! И в следующий раз буду выглядеть попрезентабельнее!

Усмехнувшись, Алан поворачивается и шагает к своему дому через улицу.

– Не забудьте насчет водопроводной компании! Это не вода, это ваши денюжки утекают!

Закрыв дверь, я бреду в глубь дома. На меня вдруг наваливается ужасная усталость. Интересно, что об Алане скажет Джоанна? Он холост, так что она наверняка забросает меня вопросами. Я прокручиваю в голове наш разговор, стараясь выделить то, что может ее заинтересовать. Однако в конце концов у меня остается впечатление, что я рассказала ему гораздо больше о нас, не узнав про него самого ничего существенного.

Глава 13

Идет третий день нашего пребывания в гостинице. Это очень странное время. Как будто отрезанные от всего мира, мы питаемся сэндвичами и печеньем из супермаркета. К Джеймсу приходит из полиции специалист по поддержке жертв преступлений, Сэм Новак – блондинка с вытатуированными на запястье ангельскими крыльями. Почему-то о моем состоянии никто не заботится, хотя именно я получила сотрясение и несколько чувствительных синяков. Толком она нам ничего сообщить не может, только то, что расследование продолжается. Джеймс рассказывает ей о донжуанистом пенсионере – она говорит, что его уже опрашивали: в ночь убийства он был в Ковентри с подружкой. Племянника это не убеждает, а я удивляюсь лишь, что старик по-прежнему бежит по свиданиям.

– Правда, пока еще не со всеми мужчинами удалось связаться, – добавляет Новак.

Джеймс поражен:

– Сколько же их было?

– Ну, не так уж много, – с нервным смешком отвечает Новак. – Она вырастила сына и решила, что теперь ее время.

Я киваю, смагивая слезы. Да, она могла бы наконец пожить и для себя, но кто-то лишил ее этой возможности. Кто же? Неужели просто какой-то тип с сайта знакомств? Бессмыслица ведь полная! От Новак ничего вразумительного не услышишь, одни банальные утешительные фразы и успокаивающие междометия. Кое-какие новости, однако, она нам все-таки приносит – мы можем вернуться в свой дом. Советует прибегнуть к услугам специализированной фирмы по уборке.

– Пусть все сделают профессионалы, – добавляет она. – Вам не нужно этого видеть.

В середине дня Джеймс вытаскивает меня из номера, чтобы горничная могла навести порядок. Заняв места в маленьком ресторанчике внизу, мы заказываем горячее и пару стаканов лимонада. Я бы предпочла что-нибудь покрепче, но племянник всегда был абсолютным трезвенником, а пить одной некрасиво.

Мы почти не разговариваем. Джеймс сидит, сторбившись над телефоном, и изучает свою статистику в ультрамарафоне. Он показывает мне приложение, где записывался весь его маршрут с отметками высоты над уровнем моря и темп передвижения.

– Вот здесь я замедлился, – показывает племянник, тыча в какие-то числа. – Видишь, как упала скорость? Примерно с двадцать восьмой мили.

– Неудивительно, ты ведь уже такое расстояние преодолел...

– Нет, не в том дело! – Он пролистывает еще ряд каких-то показателей. – Я ведь готовился, тренировался. Посмотри на время. Это было как раз в ту ночь, когда мама – ну, в общем... Я будто сердцем почувствовал – что-то случилось.

Я пожимаю плечами. Терпеть не могу всю эту мистику.

– Просто ночью возможности организма снижаются, вот и все, Джеймс.

Он явно уязвлен, и я внутренне отвешиваю сама себе хорошего пинка. Ну конечно, мальчику хочется думать, что он ощутил какую-то магическую связь с умирающей матерью. Он ищет утешения и ободрения, а я даже на это не способна.

– Вообще, ты прав, – пытаюсь я исправить положение. – Действительно, странно. Наверняка твоя мама думала в тот момент о тебе, и ты это почувствовал.

Просветлев, Джеймс кивает, по-прежнему не отрываясь от экрана. Я не против, мне приятно уже просто быть рядом. Проверить бы свою почту с телефона племянника... нет, не хочу просить. Лучше не надоедать лишний раз, а то как бы он не стал избегать меня. Он уже и так пару раз заговаривал о том, что надо возвращаться, что его ждет работа...

– Уверена, тебе дадут еще время, Джеймс, – успокаиваю я. Обойдутся без него на заправке еще несколько дней. – Они же понимают, в каких ты обстоятельствах.

Он хмурится:

– Мне нельзя потерять это место.

– Джеймс, ты сейчас просто не в состоянии работать, – говорю я, касаясь его предплечья и следя, чтобы мой тон не перешел в умоляющий. – Я помогу тебе. Ты не один. Нам нужно держаться вместе – мы ведь семья.

Ничего не отвечая, он отодвигает руку и принимается за свой заказ – картошку фри с беконом. Мальчик всегда был малоежкой. Мне самой казалось, что я и кусочка не смогу проглотить, но сейчас я только что не вылизываю свою тарелку из-под пресного карри с курицей и риса.

– Обдумай все хорошенько, – говорю я снова, стараясь не давить на племянника. – Не решай ничего сегодня. Утро вечера мудренее.

– Думаю, на работе мне будет легче. Я не могу сидеть сложа руки, тетя Сара.

Фраза повисает между нами дурно пахнущим облачком. Уверена, он ничего такого не имел в виду, но я не могу не принять ее на свой счет – я ведь не занята ничем полезным уже много лет, чтобы не сказать десятилетий. Судя по покрасневшему лицу Джеймса, он и сам осознал свою промашку.

– Как ты теперь будешь, тетя Сара? – спрашивает он мягко. – Я имею в виду, без мамы. Справишься одна?

Я вцепляюсь ногтями в бедро, в свою презренную, бесполезную плоть. Надо быть храброй. Нельзя садиться на шею этому чистому душой мальчику, у которого вся жизнь впереди.

– Ну, возьму пока паузу, а там видно будет, – говорю я. Можно подумать, это как-то отличается от предыдущих двадцати лет моей жизни. – Сейчас столько дел – уборка дома, похороны...

Не надо было об этом. Джеймс бледнеет и еще больше уходит в себя. От горя он совсем спал с лица, скулы и подбородок заострились, под глазами круги. Я хотела бы обнять племянника, поплакать вместе с ним, но мы оба стараемся приободрить друг друга и не подаем виду, что едва держимся. На самом деле и у него, наверное, подушка мокрая от слез.

– Ты останешься жить в доме? Ну, знаешь, после всего...

Я как раз почему-то только что решила, что да, останусь. Куда мне еще податься? «В тюрьму», – шепчет какой-то голос у меня в голове. Заставляю его умолкнуть. Нужно верить, что полиция на верном пути и выслеживает настоящего убийцу; судя по всему, они уже изучили телефон и электронную почту Джоанны – как-то же они вышли на донжуанистого пенсионера. Сейчас, наверное, проверяют тех, с кем она работает, раскапывают всю подноготную. Джоанна была специалистом по кадрам, она могла знать то, что люди предпочли бы любой ценой удержать в секрете. Наверняка разыскать виновного – лишь вопрос времени. Однако даже если его поймут, смогу ли я чувствовать себя дома в безопасности, не останется ли он для меня навсегда местом, связанным со смертью и насилием?

– Не знаю, – неуверенно говорю я. В голове у меня вновь раскручиваются картины того вечера. На спине проступает холодный пот.

– Я уверен, мама обо всем позаботилась заранее – ну, в смысле ипотеки и прочего, – замечает Джеймс, вновь склоняясь над телефоном. – Она бы не оставила тебя без крыши над головой.

Я скидываюсь. Так вот он о чем? Думает, что жить там мне будет не по карману? Действительно, у меня есть кое-какие сбережения, но надолго ли их хватит? Я даже не представляю, как много надо выплачивать по ипотеке или во сколько примерно обходятся коммунальные услуги за месяц. Джоанна, наверное, тоже что-то откладывала, но ее деньги, скорее всего, полностью перейдут к Джеймсу... У меня холодеет внутри от кошмарной перспективы – не

останусь ли я в итоге на улице? Господи, какая я же наивная дура! Я совершенно не приспособлена к жизни без сестры!

Джеймс снова что-то говорит. Его голос доходит до меня как с другого конца ледяной пустыни.

– ...В общем, я был бы очень признателен, если бы ты взяла это на себя, тетя Сара. Я пока просто не в состоянии туда войти.

Кажется, это он по-прежнему о доме. Я откашливаюсь:

– Конечно, Джеймс, не беспокойся. Я обо всем позабочусь.

Его лицо разглаживается, напряжение спадает. Он еще слишком молод, чтобы справиться с этим.

– Спасибо, тетя Сара. Знаю, я веду себя как тряпка, но я просто не могу. И не волнуйся – наверняка мама предусмотрела, чтобы ты не осталась без опеки. Застраховалась на все случаи жизни и так далее. Как она всегда говорила – надейся на лучшее...

– ...готовься к худшему, – заканчиваем мы вместе, улыбаясь.

Джоанна была из тех, кто все планирует, составляет списки дел и покупок, у кого всегда с собой запасная одежда, влажные салфетки и что-нибудь перекусить, кто следит за прогнозом погоды и покупает автостраховку. Однако я сомневаюсь, чтобы среди других непредвиденных обстоятельств сестра предусмотрела и такое. Да и кто мог предвидеть подобное – что два самых близких ей человека будут торчать в дешевом отеле, пока место ее убийства изучают и фотографируют криминалисты, отыскивая улики. Нет, Джоанна, хоть ты и старалась исключить из своей жизни любые риски и неожиданности, избежать встречи не с тем человеком, который обошел все твои меры безопасности, тебе не удалось.

Вечером заглядывает Алан. Они с Джеймсом поддерживают отношения, и очень здорово, что племянник сохранил эту необычную дружбу. По сравнению с постоянно меняющейся кучкой чудиков, с которыми он живет (взять ту же Синеву!), Алан выглядит надежной опорой. Он мальчику как отец и хорошо на него влияет. А я наконец-то могу нормально выпить – пинта пива Алану, бокал риохи мне и стакан лимонада Джеймсу.

Алан кое-что придумал. Он считает, что полиция действует неправильно и нам самим нужно искать возможных свидетелей. Уж не знаю, когда он успел стать экспертом в криминалистике и расследованиях, но Джеймс слушает его раскрыв рот.

– Они опросили всех в округе, вплоть до Элм-авеню, – заявляет Алан, – но вот Поляк Боб из Брод-оукс – ну, знаете, с Клермонт-драйв – говорит, что до того конца они вообще не дошли. А если подумать, туда-то преступник и побежал бы, потому что там проскочишь межулком...

– Чем?

– Межулком – коротким проулком между дворами. Так на севере говорят. Старинное слово, незаслуженно забытое, я бы сказал... Впрочем, я отвлекся. В общем, смысл в том, что полиция работает явно спустя рукава. Они должны были прочесать все улицы в этой части города, со всеми поговорить. Кто-то должен был его видеть. На участках могли остаться следы ног. Там между Брод-оукс и домами на Стейшен-роуд проскочил, в машину запрыгнул, на шоссе выехал, и все, нет тебя.

Он откидывается на спинку, слегка покраснев, и выжидающе на нас смотрит. Не зная, что сказать, я только неловко ерзаю на стуле. По-моему, идея плохая, но мне не хочется влезать вперед Джеймса. Все же это его мама, пусть сам решает.

– И я знаю, так говорить не политкорректно или как там правильно... – (Я внутренне напрягаюсь – Алан глубоко презирает «всякую политкорректную чушь», как он выражается, и способен долго рассуждать на эту тему.) – ...Но вы, Сара, приятная женщина, что будет здесь совсем не лишним. Да-да, ваша красота нам на руку. Мы поставим вас перед телекамерами – обязательно чтобы были видны следы на шее, – и это тронет людей, заденет за живое, потянет за разные струны в душе... Потому что ведь кто-то из местных знает преступника. Он мог

уже и раньше совершать что-то подобное. Надо, чтобы тот, кто его покрывает, засомневался. Нужно вывести негодяя на чистую воду.

– Нет, Алан, выступать перед камерами мне не по силам! – От одной мысли у меня начинает колотиться сердце. Я вытираю вдруг вспотевшие ладони о брюки, стараясь успокоиться. Откашлявшись, пытаюсь его урезонить: – Извините, но, боюсь, это не очень умно. Он ведь и на меня напал, не забывайте. Я не хочу лишний раз напоминать ему о неоконченном деле, чтобы он не решил вернуться и завершить начатое.

Вид у Алана разочарованный, однако затем его взгляд падает на Джеймса.

– Ну, вообще, привлекательность – это у вас семейное...

Джеймс прикусывает нижнюю губу.

– Я даже не знаю... В смысле не представляю, что говорить. Выступить на публике – это не мое.

– Мы можем снять все сами, – откликается Алан, подумав. – Без аудитории, без журналистов и всего прочего. Только ты и мы с Бобом за камерами. Слушайте, я понимаю, в каком вы сейчас состоянии, однако время идет. Чем дольше мы тянем, тем сложнее будет найти убийцу.

Джеймс кивает.

– Алан прав, – говорит он наконец. – То есть кто-то же должен был заметить что-то необычное, верно? Какие-нибудь странности, сомнительное поведение. Нельзя же совершить такое и потом продолжать жить спокойно... – У него срывается голос, на глазах выступают крупные слезы. Сконфуженный, Джеймс громко шмыгает носом.

– Ну, ну, парень, – утешает его Алан, похлопав по спине. – Не беспокойся, мы найдем этого – не стану говорить при дамах, кого, – мы его отыщем, не думай.

Джеймс кивает, украдкой проводя рукой по глазам. У меня сердце разрывается, глядя на него. Однако я все равно считаю видеообращение плохой идеей.

Глава 14

Четырнадцать лет назад

Сегодня хороший день. Я вышла в город и успешно сориентировалась среди кошмара местной почты, где по понедельникам собираются любители почесать языками. Здесь, в захолустье, все друг друга давно знают; Джоанна тоже уже стала своей, перезнакомившись с другими мамашами по кружкам и группам, куда ходил Джеймс. Теперь, когда он учится в школе, они дважды в день обмениваются любезностями, встречаясь у входа. Я забирала племянника всего несколько раз и чувствовала себя так, словно ступаю по минному полю, постоянно лоя краем глаза взгляды исподтишка. То ли я не узнавала тех, кого должна была, то ли это просто местные мегеры, ревностно следящие за всеми чужаками. Я старалась не показывать виду, но сама вся обливалась потом, а руки дрожали. Даже учителя смотрели на меня подозрительно. Я не могу различить Джеймса среди одинаковых белых рубашек поло и бордовых джемперов, так что приходится ждать, пока он меня заметит и подойдет. Иногда приходится объяснять, кто я такая, чувствуя на себе взгляды остальных – мне так и кажется, что они принимают меня за какую-то чокнутую воровку детей. Однажды Джеймс меня не признал – не знаю, почему; может быть, я поменяла прическу или надела новое пальто. Учительница не позволила мне увести мальчика, а я от волнения забыла кодовое слово, которым могла бы подтвердить, что я действительно родственница. Пришлось вызывать с работы Джоанну. Теперь я забираю племянника только в самых крайних случаях, а так в те дни, когда сестра занята, он остается после школы в разных кружках. Наверное, с этого пошло мое затворничество – на новом месте дети служат своеобразным пропуском в общество, и я теперь практически лишена возможности заводить друзей и знакомых.

Сегодня я, конечно, перестаралась. Покончив с какой-то ерундой для Джоанны на почте, я решила побаловать себя экскурсией по магазинам и прошаталась куда дольше обычного. Когда я оказываюсь у церкви, больная нога ощутимо дрожит. Меня тут же начинает обуревать тревога – вдруг станет еще хуже? Вдруг я не смогу дойти до дома?! Вдруг упаду и придется звать на помощь?!

До поворота на Колклаф-роуд я добираюсь уже вся мокрая от пота, слегка подволакивая ногу. Поравнявшись с домом, возле которого стоит забитый поломанной кухонной мебелью контейнер, я едва не подпрыгиваю от голоса у себя за спиной.

– Я так и знал, что здесь будет ремонт. Старика Джека отправили в дом престарелых, теперь вычистят все внутри и продадут как пить дать.

Резко обернувшись, я теряю равновесие из-за плохо слушающейся ноги и чуть не падаю. Говоривший успеваешь ухватить меня под локоть. Это высокий мужчина в кепке и непромокаемой куртке.

– Простите, не хотел вас напугать, – говорит он с легкой северной картавостью и слегка приподнимает пальцем козырек, показывая редеющие волосы. – Это я, Алан, из дома двадцать четыре.

Ах, Алан... Мы встречались несколько раз с его переезда. Он живет один, и ему явно не хватает общения. Он регулярно возникает у нас на пороге то с игрушками для Джеймса, то с коробкой яиц от своих кур, то с приходским бюллетенем и приглашениями на какие-то местные события.

– Надоел уже, – ворчит Джоанна, быстро вычеркнувшая его из своих матримониальных планов.

Мне, в общем-то, все равно. Я почти не выхожу из своей комнаты, так что отдуваться приходится сестре. Видимо, она рассказала ему обо мне, поскольку, встретив меня, Алан каж-

дый раз обязательно напоминает, кто он такой. Еще он говорит со мной немного медленнее и громче, чем обычно, как будто я умственно отсталая.

– С вами все в порядке? Что-то вы неважно выглядите. Вот, обопритесь-ка на меня.

Не дожидаясь ответа, он берет меня под руку и едва не насильно доводит до нашей задней двери. Нам открывает Джоанна, чье беспокойство быстро сменяется раздражением, когда Алан не остается за порогом, а провожает меня до самой кухни. Я с облегчением опускаюсь на один из стульев. Ноги дрожат, правое бедро ноет от боли. Сестра протягивает мне стакан воды и анальгетики. Одним глотком проглотив таблетки, я, совершенно обессиленная, кладу голову на стол.

– Что с ней? – резко спрашивает Джоанна, как будто это Алан виноват.

– Я встретил ее на Колклаф-роуд. Она неважно выглядела.

– Просто немного перенапряглась, – говорю я, приподнимая голову.

Джоанна тяжело вздыхает, но прежде чем она успевает начать нотацию, вмешивается Алан со своим собственным рецептом:

– Вам бы нужно походить со мной на прогулки. В городе, где асфальт и прочее, слишком большая нагрузка на суставы. Надо на природу, где под ногами мягкая земля, а подъемы и спуски помогут восстановить мышцы.

Джоанна, подняв бровь, уже готовится дать ему должный отпор, но я вдруг понимаю, что Алан прав. Я хочу поправиться, хочу вернуть былые силы. Возвратиться к прежней жизни, и если для этого придется терпеть его болтовню, я готова. К тому же гулять по холмам гораздо спокойней – вокруг никого, не надо тревожиться из-за возможных встреч со знакомыми.

Джоанна настроена скептически.

– Ты его еще больше приваживаешь, – ворчит она, когда мы остаемся одни. – От него теперь вообще не избавишься.

– Сама всегда говоришь, что мне надо чаще выбираться из дома. Чем же ты недовольна? Она передергивает плечами.

– Ладно, только меня не впутывай.

Однако когда Алан заезжает за мной на своем выдавшем виды автомобиле, она выглядит довольной, что я в самом деле решила выйти. От предложенных соседом старых туристических ботинок я отказываюсь и надеваю свои красивые ярко-бирюзовые кроссовки, черные легинсы, того же цвета кофту с капюшоном и красную непромокаемую куртку.

– Как бы в таких ногу не подвернуть, – говорит Алан, с сомнением глядя на мою обувь. – Да и запачкаются. Мы ведь не на показ мод идем...

– Вся жизнь – показ мод, – возражаю я.

– «О, женщины, тщеславие вам имя», – вздыхает Алан, но мне кажется, что на самом деле ему это даже нравится.

Сегодня один из тех дней, когда небо белое как бумага, а над горизонтом висит странная серо-сизая дымка, так что в очертаниях вздымающихся и опускающихся холмов видится силуэт спящего гиганта. Задремав в машине, я просыпаюсь, когда мы уже петляем по узким проселкам, спускаясь в глубокую, покрытую деревьями долину. Выворачивая шею, я смотрю на поднимающиеся к небу обширные травянистые склоны. Алан включает пониженную передачу, и старая колымага с трудом взбирается вверх по тесной тропе. Наконец мы оказываемся на открытом пространстве, где во все стороны, насколько хватает глаз, стелятся багряным морем заросли вереска. Наша машина останавливается на небольшой парковке рядом с микроавтобусом престижной частной школы.

– Богатенькие любят сюда приезжать, – замечает Алан.

Я их понимаю. Здесь, на высоте, чувствуешь какой-то прилив энергии. Горизонт раздвигается, видны все складки и изломы местности, глубокие расселины, где некогда прошел ледник, и вымытые талой водой лощины. Перед тобой картина действовавших на протяжении

тысячелетий сил, и твои проблемы по сравнению с этим кажутся мелкими и смешными. Я втягиваю наполненный вересковой сладостью воздух – тут, наверху, дышится так легко...

Обернувшись, ловлю на себе взгляд Алана.

– Просто чудо, правда? – улыбается он. – Душа отдыхает.

Да. Здесь я могу по-настоящему расслабиться. Вокруг никого. Даже школьников с рюкзаками и картами нигде не видно. Только объедающие вереск овцы время от времени бляением подзывают отбившихся ягнят.

– В будни тут безлюдно, так что можно не бояться кого-то встретить, – говорит Алан, словно читая мои мысли. И добавляет со смехом: – Ну и криков тоже никто не услышит.

Я бросаю на него резкий взгляд. Конечно, это неуклюжая попытка состричь, но должен же он понимать, что никакой женщине не понравятся такие шутки от малознакомого мужчины, с которым она осталась наедине в глуши.

Даже странно, насколько легче дается здесь ходьба. Иногда говорят, что мозг – это мускул; что ж, тогда мой, похоже, был напряжен и сжат с того момента, как я вышла из комы, а теперь я практически чувствую, как он мало-помалу расслабляется, тугой узел понемногу подается и распускается с каждым вдохом этого воздуха, этого неба, одинокого клетота кружащего ястреба...

Алан практически не умолкает, но здесь, на открытой местности, мириться с его болтовней проще – половину слов уносит ветер. Мы встречаем пару других гуляющих, однако никто не ждет от нас общения по долгу вежливости, достаточно кивков и короткого приветствия. Взбираясь по заросшей тропе обратно к машине, я слегка задыхаюсь – не от панической атаки, просто от физических усилий. Когда мы наконец останавливаемся, ноги у меня дрожат, как у новорожденного ягненка, но это приятная усталость. Передо мной наконец открывается путь назад, к прежней, полноценной жизни.

Наши прогулки становятся регулярными. Не каждую неделю, конечно, однако по меньшей мере раз в месяц. Скоро я уже в состоянии пройти миль семь-восемь. Мышцы укрепляются, и нога слушается гораздо лучше, как будто соединение с мозгом каким-то образом вновь наладилось. Иногда мы берем с собой Джеймса и с улыбкой глядим, как он шлепает по лужам или пытается поймать рыбку в стаканчик из-под йогурта. Когда племянник устает, Алан, отлично подражающий голосам, развлекает его сценками из любимой телепередачи, так точно копируя всех персонажей и их ужимки, что даже я начинаю хохотать.

Благодаря ему мы много узнаем о природе. Он учит нас определять по хвостовому оперению ястреба и канюка, различать характерную скрипучую трель мелькающих между деревьями соек, отыскивать в зарослях дикую чернику... Джеймсу Алан показывает, как пускать блинчики по зеркально-гладкой поверхности озера, и мы все вместе ликуем, когда мальчику наконец удается запустить камешек далеко по воде.

О самом соседе я теперь тоже знаю немного больше. Его родители работали в частной школе-интернате к северу отсюда – хотя в каком качестве, я так и не поняла. Как Алан любит повторять: «Меня учили доброму и хорошему. Но все мы в конце концов одинаковы. Как говорила моя старая матушка, на родильном и смертном ложе и в уборной люди равны».

В Ланкашире он работал в машиностроительной компании, выпускавшей какие-то детали для автомобильных двигателей или что-то подобное. Раньше времени вышел на пенсию по нетрудоспособности. Я заметила, что он слегка прихрамывает на правую ногу, но в детали он не вдавался. «Не все проблемы видны невооруженным взглядом, вам ли не знать», – ворчливо ответил Алан, когда я продолжила выпытывать.

Я так и не поняла, почему он переехал в Шропшир, в маленький незнакомый городок. Может быть, Алан даже упоминал об этом, но я пропустила мимо ушей; его рассказы похожи на запутанный узел – если не знаешь, за какой кончик потянуть, ничего не ясно. О своей личной

жизни мой спутник по прогулкам тоже не слишком распространялся: «Мне просто не повезло встретить хорошего человека, Сара. Не у всех складывается так удачно, как у вашей сестры». Не лучший пример, конечно, – счастье Джоанны закончилось тем, что ее муж погиб в автокатастрофе меньше чем через два года после свадьбы.

Пару раз Алан захватывает дробовик и учит меня стрелять. Целиться в животных я бы ни за что не смогла, но мне нравится разносить всякие импровизированные мишени. Мой мозг словно пробуждается от глубокого сна, сосредотачиваясь на освоении нового навыка.

– У вас верный глаз и хорошая координация, – отмечает Алан, когда я успешно сшибаю небольшие деревянные кегли, спрятанные в кустарнике.

Я буквально расцветаю от похвалы. И почему никто не сказал мне этого, когда я была девочкой? Хотя, помнится, учительница физкультуры пыталась записать меня в команду по нетболу, однако мама была против: «Нечего тратить время, Сара». А чем мы тогда занимались, кроме класса по изучению Библии и раздачи листовок в торговом центре, призывающих грешников вместо шопинга ходить по воскресеньям в церковь? Я ведь могла и в других областях достичь успехов, если бы только мне дали такой шанс.

Алан поговаривает о том, чтобы увеличить дистанцию наших вылазок. Есть двадцатимильная тропа, которая ведет в горы Бервин...

– Нам по силам замахнуться на это, – убеждает он. – Нужно развивать успех. Еще немного, и мы дойдем до моей хижины. Я иногда ночую в ней после долгих переходов. Там водопады, пещеры, заброшенные шахты. Подземные ходы идут прямо под ногами. Наверняка там раньше был приют контрабандистов.

– Контрабандисты в горах, так далеко от моря?

– Они и по рекам плавали – по Северну, например.

Ну, раз он так говорит... Сама я не очень дружу со знаниями. Никогда не была прилежной ученицей, а после аварии у меня большие проблемы с концентрацией внимания. Возможно, и это можно поправить, как уже получилось с ходьбой. Начать читать – понемногу, что-нибудь короткое, – и постепенно увеличивать нагрузку.

– А сокровища там есть? – пищит Джеймс, не сводя глаз с ползущей по руке божьей коровки.

– Очень даже могут быть, – кивает Алан. – В старые времена люди постоянно закапывали клады. Банков, чтобы хранить деньги, не было, а по стране то и дело проходили армии, грабя дома мирных жителей. «Именем короля» и все такое.

– Или королевы, – откликается Джеймс, привыкший дома к женскому правлению.

– В основном все-таки «короля».

Вечером мы возвращаем племянника Джоанне, как следует отдохнувшей без нас двоих, и Алан приглашает меня в паб.

– Там как раз скидки на ранний ужин. Мы заслужили это после всей ходьбы вверх-вниз.

Я колеблюсь, не желая подавать ложных надежд. Однако Алан был так добр к нам – возил меня на прогулки, развлекал Джеймса, – что отказать, обрекая на очередную одинокую трапезу дома, выглядело бы черной неблагодарностью.

Вечер, конечно, складывается не лучшим образом. Я вообще теперь не очень люблю выходы в свет, к тому же чувствую себя замарашкой в джинсах и кроссовках – другие женщины в пабе явно готовились, а у меня с собой нет даже подводки для глаз или губной помады. Алана здесь знают и рады, что он пришел не один. Парочка посетителей, здороваясь, отмечают это обстоятельство. Все вполне по-дружески, но мне они незнакомы – или наоборот, не могу сказать, – так что мы еще не успеваем сесть за столик, а я уже нервничаю и чувствую, как кровь приливает к лицу.

– Не обращайтесь внимания, – говорит Алан. – Они думают, у нас свидание. Хотя видно же – мы в разных категориях...

Он слегка усмехается, ожидая, очевидно, возражений с моей стороны, сигнала, что мы и правда движемся куда-то в сторону свиданий и прочего. Однако мне до этого на самом деле как до Луны.

Я заказываю бокал вина – просто за компанию, с расчетом сделать глоток-другой, – но от нервов выпиваю его весь и слишком быстро. Начинаю болтать без умолку, лишь бы не возвращаться к теме свиданий. Когда приносят еду – рыбу с кита размером, железнодорожные шпалы картошки фри и огромный соусник переваренного зеленого горошка, – я проглатываю ее в один присест, чтобы нейтрализовать алкоголь и не превратить вечер в катастрофу. Зато Алан теперь говорит и говорит, перебивая одну историю другой, так что его порция стынет, а я как дура сижу над пустой тарелкой. Подошедшая официантка забирает ее, пытается и у него взять посуду – он уже столько времени не поднимал свою чертову вилку, что можно подумать, он закончил есть. Опомившись, он принимается за ужин. Повисает невыносимое молчание...

Алан уговаривает меня посидеть еще, заказать пудинг («Ну же, Сара, мне нечасто приходится ужинать в такой приятной компании»), но я отговариваюсь тем, что нехорошо себя чувствую. И, в общем-то, не выдумываю. Я ощущаю жар и подступающую панику, сердце бьется неровно, будто то и дело пропуская удар. От вина или жирной пищи? Я почти уверена, что если я не выберусь отсюда как можно скорее, меня стошнит или хватит инфаркт. У Алана вытягивается лицо, он определенно рассчитывал не на такое завершение вечера. Однако заботливый как всегда, он быстро рассчитывается, отвергнув все мои попытки заплатить за себя, и сажает меня в машину. Мы едем с открытыми окнами на случай, если меня все же начнет тошнить. К двери дома я спешу почти бегом.

Джоанна, выключив телевизор, одаряет меня взглядом, в котором читается: «А я говорила».

– Я предупреждала, что ничем хорошим это не закончится, Сара. Алан – одинокий, ранимый человек. И он не просто парень из бара, которого подцепила, а потом бросила, как ты раньше делала. Он наш сосед, с ним нельзя так поступать, нам жить рядом с ним. Что, по-твоему, он станет о тебе думать?

У меня челюсть отваливается. Ее заботит Алан? Да это я ранимая, а не он, я пытаюсь выкарабкаться и вернуться к нормальной жизни! И нечего мне морали читать. Что с того, что в молодости я меняла парней как перчатки? Я была свободна и привлекательна. Честное слово, порой Джоанна говорит прямо как наша матушка.

После случившегося я начинаю избегать Алана. Мы еще выбираемся несколько раз на природу, теперь уже всегда с Джеймсом, потом появляются отговорки. Сперва нога, потом грипп – это по-настоящему, три недели я болею и еще почти два месяца прихожу в норму, – ну а после все, порядок нарушен. Племянника, правда, Алан иногда по-прежнему берет с собой. Они возвращаются с наловленными в банки божьими коровками, найденными фазаньими перьями, один раз даже с выбеленным солнцем овечьим черепом. Джоанна принимает все подарки не моргнув глазом – как-никак, эти прогулки дают ей хоть немного свободного времени по выходным, когда она может пройтись по магазинам или не торопясь почитать газету за чаем. Никому из нас не кажется странным, что ближайший друг мальчика – мужчина за пятьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.